

Елена Ивановна Майорова
Личная жизнь Петра Великого
Серия «Тайны Российской империи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978273

Е.И. Майорова. Личная жизнь Петра Великого. Петр и семья Монс: Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-5580-3

Аннотация

Императора Петра I именуют Великим – имеются в виду его государственные преобразования. А вот в личной жизни вряд ли можно применить к «великому реформатору» этот эпитет. В любви его часто предавали, даже в самой сильной, самой неистовой – к Анне Монс, а ведь ради нее он постриг законную жену в монахини. Красавица безраздельно воцарилась в сердце Петра, однако не смогла удержаться на этом хрупком пьедестале. Он ее любил, она его – нет. Непростые отношения были у императора и с другими дамами его сердца. Как только он попадал в паутину сердечной привязанности, становился беззащитным и... неуправляемым.

Содержание

Введение	4
Романовы: преступление против человечности	7
Предки Петра	11
Появление на свет и первые годы жизни Преобразователя	17
Петр во время неспокойного правления царя Федора	22
Нырышкины против царевны Софьи	29
Женитьба Петра	34
Петр заводит новых друзей	39
Переворот Медведихи	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Е.И. Майорова

Личная жизнь Петра Великого

Петр и семья Монс

Введение

В последнее время одно из самых упоминаемых в России имен – имя Петра Великого. В 2008 году первый император всероссийский чуть было не победил в телепроекте «Имя России». Откуда такая привязанность к царю, жившему более трех веков назад? Потому что он «железною уздою Россию поднял на дыбы»? «Прорубил окно в Европу»? Разбил шведов под Полтавой? Построил Петербург?

Может быть, это всего лишь результат недостаточной осведомленности о деяниях и личности первого российского императора?

Ведь средний россиянин знал о Великом Реформаторе в основном из изданной в 1785 году на немецком языке книги Якова Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом, услышанные из уст уважаемых особ в Москве и Петербурге и спасенные от забвения». Штелин был приглашен в Россию в 1735 году, когда здравствовали еще многие люди, знавшие Петра лично, и была достаточно свежа память о его необыкновенном правлении. Как это всегда бывает, воспоминания молодости, стремление заявить о своей причастности к «деланью» истории заставляли рассказчиков забывать неприглядные страницы былого и с умилением вспоминать только доблестные поступки или забавные происшествия. Услышанные разговоры и рассказы о первом русском императоре Штелин оформил в книгу.

Похожая ситуация привела к изданию доморожденных «Рассказов А.К. Нартова о Петре Великом», которые подготовил сын личного токаря монарха.

Исследования доказали легендарность подавляющего большинства этих рассказов. Их источником стали более поздние известия исследователей жизни императора, подвергнутые значительной литературной обработке публикатора. Можно сказать с уверенностью, что появление этих легенд имело заказной характер.

Память о Петре Великом разошлась на анекдоты – в свое время так называли забавные истории из жизни. Петровские легенды и анекдоты пересказывались во множестве вариантов, чтобы в наши дни сложиться в некую как бы удостоверенную временем и признанную единственно возможной версию.

Но главным признаком анекдотов во все времена являлось то, что они не обязательно были правдивы.

В общественное сознание культ Петра I стал внедряться с 1741 года, когда на престол вступила его дочь, «искра петрова», императрица Елизавета. Она усиленно содействовала формированию образа Петра – созидателя новой России, непобедимого воина и мудрого законодателя, отринувшего все отжившее, мешающее стране двигаться по пути прогресса. Многие новшества, введенные прежними царями, особенно Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем, замалчивались и как бы передвигались на годы правления Петра I. Так, «во всех делах разрядом не считаться» требовал еще Борис Годунов, в практику российской жизни это начинание ввел царь Федор Алексеевич, а приписано оно Преобразователю Петру.

Екатерина II заказала самому Вольтеру написать историю Петра I, которого провозгласила своим учителем и идейным предшественником. Ею двигало стремление создать государственный миф, в основе которого лежало представление о Петре I как об отце Отечества,

завещавшем императрице и свои выдающиеся личные качества, и полномочия на дальнейшие преобразования страны.

Социальную моду на возвеличивание пращура на много лет определил царь Николай I Павлович.

В коллективном парадном портрете первого русского императора, нарисованном в николаевскую эпоху, не было ни одного темного мазка. Это – мудрый царь, справедливый благотворитель, добронравный муж, и у него нет ничего общего с тем бесчеловечным угнетателем, кто разорял подданных, грабил церкви; кто был столь злопамятен, что приказал вырыть – через годы – трупы казненных стрельцов и повесить их на площади заново; кто любовался и пытками собственного сына. Формировался не образ Петра Великого, соединяющего в себе шекспировских Просперо и Калибана, но его культовая модель – важнейший атрибут векового государственного мифа. Петр – мудрый правитель, но не деспот; Петр – строитель нации и ее объединитель; под его десницей новое неизменно побеждает старину во всех ее обличьях; Закон торжествует, ограничивая как своекорыстие сановников, так и неумеренную, неуместную «милость к падшим». Стоило Н.В. Кукольнику, до этого обласканному двором, создать в рассказе образ царя народного, как последовал окрик Николая: пращура, как и себя, он видел царем общенациональным.

Для литераторов способом снискать царское благоволение стало подключение к созданию петровского мифа. На этом поприще выступали известные в свое время Е.В. Аладьин, А.П. Башуцкий, К.П. Масальский, П.Р. Фурман и даже декабрист А.О. Корнилович.

Большинству современных россиян Петр I знаком по одноименному роману Алексея Толстого, написанному по госзаказу. Автор, талантливый «красный граф», рисует противоречивую, но сильную личность. Его герой умен, любознателен, бескомпромиссен, целеустремлен, иногда по необходимости жесток, но в душе добр. Замечательный стратег и тонкий политик, человек, тянущийся ко всему новому, передовому, враг косности и застоя; постоянно пекущийся о благе своей страны, о нуждах ее народа. Где-то даже романтик, преданный коварной Анной Монс, но воспрянувший душой в любви к простой лифляндской девушке Марте Скавронской, не побрезговавший сделать ее своей законной супругой и императрицей. Не пожалевший для России ничего, даже единственного сына, который влек страну назад, в темноту Средневековья.

Получается такой симпатичный, немножко порывистый сорвиголова, но доброе сердце, болеющий за народ.

Подобное впечатление целенаправленно формировала власть.

Не странно ли, что пропаганда Страны Советов подхватила роковой для России государственный миф, сотворенный при участии беллетристов николаевской эпохи. «Самое важное искусство – кино» доносило до народных масс образ «народного» царя, положившего жизнь на алтарь отечества. На художественном фильме, снятом по роману А. Толстого, воспитывались многие поколения советских людей.

Надо отметить, что писатель не закончил свой роман, так что многие «Деяния Петра Великого» остались за кадром. «Красный граф» повторил попытку А.С. Пушкина, который начал, но по мере изучения фактических данных отказался от мысли написать о Петре – так все оказалось тяжело, ужасно, отвратительно. Зато многие видели телеэпопею «Россия молодая» (а некоторые читали и неплохую книгу А. Германа) и фильм «Арап Петра Великого», где суровый, но справедливый царь крушит всякую крамолу и строит светлое будущее. Это уже не говоря о всяких псевдохудожественных поделках советского и постсоветского времени, где долго описываются пейзажи, интерьеры, одежда персонажей, вымучиваются их диалоги и придумываются выражения лиц. В них Петр – всем царям царь: прозорливец, мудрый, человечный и справедливый; победоносный стратег и гениальный тактик, действующий как бы по наитию свыше и не совершающий никаких ошибок.

От Петра, перенявшего традиции Ивана Грозного, пошло пренебрежительное отношение к «людишкам», жизнь которых – ничто по сравнению с величию поставленной самовластным правителем цели. Все свершения петровского времени, будь то военные победы, постройка флота, основание Петербурга, реализовались во многом за счет сломанных судеб и стоили России огромных человеческих потерь. Можно и нужно гордиться своей историей, ее выдающимися деятелями, трудолюбием и долготерпением русского народа. Но вряд ли стоит идеализировать монарха, олицетворяющего символ страны, в полном пренебрежении к историческим фактам и реалиями и приписывать странному и жестокому человеку качества едва ли не просвещенного государя эпохи Возрождения.

Не останавливаясь подробно на политической, военной и административной деятельности Петра – на эти темы написано целое море литературы, – интересно рассмотреть его как личность. Каким он был на самом деле? Ведь индивидуальные черты не могут не накладывать отпечаток на деяния каждого человека, тем более государственного деятеля такого крупного масштаба.

Сведения о личной жизни Петра почти незаметно вкраплены в документы того времени, дипломатическую переписку, воспоминания и мемуары. По прошествии стольких лет трудно отделить правду от вымысла. В огромном количестве исследований, посвященных Петру, собственные взгляды и субъективная оценка авторов неизбежно сказываются на интерпретации любого его действия и поступка. В настоящей книге сделана попытка объединить имеющиеся данные в единую картину. И начать следует со времени восшествия на российский престол династии Романовых, которая практически исчерпала себя переломным, длительным и судьбоносным правлением Петра Великого.

Романовы: преступление против человечности

Правящая династия Рюриковичей пресеклась на втором сыне Ивана IV Грозного, болезненном Федоре Иоанновиче. Царствование крепкого, умного Бориса Годунова, причастного к старой династии через брак сестры Ирины с царем Федором, сложилось на редкость несчастливым из-за природной катастрофы – неурожая и трехлетнего голода, постигшего страну. Пришло Смутное время.

Смуте на Руси было положено начало, когда осенью 1604 года с отрядом искателей приключений границу перешел молодой человек, объявивший себя сыном Грозного, царевичем Дмитрием Ивановичем. Шансы его на успех были не очень велики, если бы не внезапная смерть царя Бориса Годунова. Вдова Бориса и его шестнадцатилетний сын царь Федор II были зверски убиты при всеобщем ликовании москвичей, приветствующих нового царя Дмитрия Ивановича.

На русском престоле оказался некто, выдающий себя за младшего сына Ивана Грозного от его седьмого, не признанного церковью брака с Марией Нагой. Мальчик погиб при невыясненных обстоятельствах и был похоронен в 1591 году¹.

Этот «называемый Димитрием» человек, «странный самозванец», по выражению Н.М. Карамзина, соединил в себе откровенное западничество и вольномыслие с твердым, мужественным характером и патологическим для своего времени отсутствием коварства и жестокости. Он мечтал о свободной торговле, веротерпимости – «Пусть всякий верит по своей совести!» – открытых международных отношениях и создании в Москве университета. К несчастью, по-европейски править ему довелось среди непрерывных заговоров и покушений лишь одиннадцать месяцев. Вскоре после женитьбы Димитрия I на польской аристократке Марине Мнишек 17 мая 1607 года компания придворных и преступников, специально выпущенных из тюрьмы, зверски убила молодого царя. Боярский выдвигенец Василий Шуйский, «старший среди Рюриковичей», который и подготовил этот переворот, не справился с ситуацией. Против него сразу же двинулись отряды Ивана Болотникова с князьями Шаховским и Телятевским и предводителем рязанских служилых людей Прокопием Ляпуновым. Они выступали «за царя Дмитрия» и дошли до Москвы. Некоторое время Шуйского защищал его племянник, талантливый полководец Михаил Скопин-Шуйский, но его усиливающееся влияние внушило дяде и его окружению опасения, и молодой князь был, по всеобщему мнению, отравлен.

Некоторое количество подданных сопредельных стран приняло участие во внутренних неурядицах русского государства, оставшегося без главы. Их участие имело поначалу сугубо неофициальный характер. Впрочем, и официальное вмешательство со стороны польского и шведского королевств было вызвано столь же официальным приглашением из московской Руси. Шуйский предпочел призвать на помощь шведскую армию под командованием Делагарди, бояре пригласили на царство польского королевича Владислава, а рядом с Москвой, в Тушине, стихийно возник лагерь чудесно «воскресшего» царя Дмитрия, называемого в народе «Тушинский царь», врагами – «Богданко, тушинский вор»², а историками чаще всего Лжедмитрий II. Полтора года на Руси существовали две равноправные столицы: в Москве и в Тушине.

Царь Василий Шуйский был низложен за то, что «оказался несчастлив на царстве», и закончил свою жизнь пленником в Польше.

¹ До настоящего времени личность человека, называющего себя царевичем Дмитрием, не идентифицирована.

² Вор в терминологии XVII века – государственный изменник, в отличие от татя – вора в современном значении.

Если бы не нелепое упрямство Сигизмунда III, желавшего русской короны лишь для себя, а не для сына, идея объединения России вокруг королевича Владислава была бы практически реализована³. Народ с энтузиазмом присягал польскому принцу шведского происхождения, избранному на царство 17 августа 1610 года. Взойди на трон Владислав Ваза, Смута могла кончиться раньше на три года. Тушинский же вор заботился только об удовлетворении собственных алчности и амбиций.

Трон пустовал. После 15 ужасных лет Смуты русская земля, измученная и разоренная, хотела мира и покоя. Олицетворением умиротворения, успокоения, надежды на лучшую жизнь должен был явиться новый царь, мудрый и справедливый. Представление о необходимости выбора царя было очень ярко выражено во всех сословиях.

Вариантов было два: избрать царем русского человека или же иностранного принца. Земский собор вынес единогласное решение: «Литовского и шведского королей и их детей не избирать, потому что литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом».

Несмотря на то что Иван Грозный истребил огромное количество знати, в отечественных претендентах недостатка не было: князя Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Голицын – представители знатных родов, потомки Рюрика, Гедимины...

Рюрикович Мстиславский от трона отказался; самый сильный по знатности и одаренности претендент на престол князь В.В. Голицын находился в польском плену. Его соратник Ф.И. Шереметев, объясняя свою поддержку претенденту на царство, писал: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Молодость и податливость Михаила, «тихого и неспособного по природе», да еще наличие отца Филарета, способствовали этому выбору. Древние княжеские роды, безусловно, имели больше прав на корону, чем сын племянника жены Ивана Грозного. «Предпочли юношу, почти безродного; но сей юноша, свойственник царский, имел отца мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который должен был служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти», – объясняет Н.М. Карамзин. Федор Никитич Романов в свое время был соперником Бориса Годунова, который, победив, заставил его принять постриг под именем Филарета; поэтому он не мог быть избран на царство. Но из Ипатьевского монастыря, ставшего домом Романовых, он влиял на московскую политику до тех пор, пока поляки не захватили его и не отправили в Польшу. Вернулся в Москву он только в 1618 году.

Те элементы правового государства, которые присутствовали в крестоцеловальной записи Василия Шуйского или в договорах о приглашении на русский престол королевича Владислава, оказались похоронены, и Россия вернулась к восточному деспотическому правлению Ивана III. «Князья московские учредили самодержавие; Отечество даровало оно Романовым», – как всегда, высокопарно писал наш великий летописец в «Истории государства Российского».

Однако, чтобы перевернуть последнюю страницу в истории смутного времени, партии власти предстояло окончательно решить проблему возможных соперников семнадцатилетнего царя, наследника скромной фамилии.

Чудом спасшаяся во время убийства Дмитрия, коронованная русская царица Марина Мнишек являлась одной из замечательных женщин русского средневековья. Покинутая родственниками и соотечественниками в чужой стране, она стала «делать жизнь» собственными руками. Законным образом Марина обвенчалась со вторым Самозванцем, «Тушинским царем». В январе 1611 года она родила мальчика, царевича Ивана. У него, как у сына законной царицы, которую никто никогда не лишал права на корону, были вполне реальные

³ Воцарение Владислава исключало личную унию России и Польши.

права на русский трон. Царица предложила кандидатуру своего сына при выборе нового царя. Романовы этого не забыли.

Когда был убит и второй ее муж, Марина нашла опору в самом знаменитом казачьем атамане того времени Иване Заруцком. Отчаянный казак был верен Марине и ее сыну до конца.

Новый царь Михаил Романов стремился заполучить царицу с сыном во что бы то ни стало. Заруцкий с Мариной отступили на Дон, но казаки отказали в помощи своему атаману. Постоянно преследуемые царскими войсками, беглецы устремились к Волге и на некоторое время приобрели власть над недавно подчиненной Москве Астраханью. Но и здесь их настигла крепнущая рука нового правительства. Заруцкий доверился одному из своих самых преданных соратников, который и выдал их врагам.

Смута закончилась, когда их наконец взяли на Медвежьем острове посреди реки Яик: царицу Марину Юрьевну с трехлетним сыном Иваном Дмитриевичем и вместе с ними их верного защитника Ивана Заруцкого.

Пленников отправили в Москву к новому государю Михаилу Романову под охраной 500 стрельцов, которым было приказано при попытке отбить арестованных немедленно их уничтожить.

Заруцкого после пыток посадили на кол. Однако не казнь лихого атамана была целью многочисленных военных экспедиций: все хитроумные маневры проводились ради захвата трехлетнего ребенка, царевича Ивана.

Убийство детей, которые могут вырасти и предъявить претензии на наследство своих родителей, – нередкое дело во время феодальных распрей. Не совсем обычно, что казнь малолетнего ребенка была устроена публично, словно радостный народный праздник.

«Многие люди, заслуживающие доверия, видели, как несли этого ребенка с непокрытой головой на место казни. Так как в это время была метель и снег бил мальчику в лицо, то он несколько раз спрашивал плачущим голосом: «Куда вы несете меня?» Но люди, несшие ребенка, не сделавшего никому вреда, успокаивали его словами, доколе не принесли его на то место, где стояла виселица, на которой и повесили несчастного мальчика, как вора, на толстой веревке, сплетенной из мочал. Так как ребенок был мал и легок, то этою веревкой по причине ее толщины нельзя было хорошенько затянуть узел, и полуживого ребенка оставили умирать на виселице», – рассказывал очевидец Э. Геркман.

Сторонники Романовых пытались убедить всю страну, что царевич вовсе не был царевичем – сын самозванца, «тушинского царя» якобы не имел никаких законных прав на престол. Но сам характер его публичной казни в Москве, за Серпуховскими воротами, свидетельствовал о том, что для новой династии он был более чем реальным соперником. Только убивая его «всенародно», Романовы могли в какой-то степени уберечь себя от воскресших «царевичей Иванов», то есть от того, что пришлось в свое время пережить Борису Годунову.

Даже в начале XVII века существовало такое явление, как международное мнение, с которым нельзя было не считаться. Для ответа на провокационные вопросы иностранцев наши дипломаты получили от правительства повеление говорить следующим образом: «И Ивашко Заруцкий за свои злые дела, и Маринкин сын казнен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своем выbleдке умерла».

В средневековой Европе, не отличавшейся мягкостью нравов, в этот период ни одной казни малолетнего ребенка зафиксировано не было. Сажание на кол тоже не практиковалось. В своей жестокости Россия пошла по пути восточных деспотий.

Не было такого проклятия, которого, умирая в застенках московской тюрьмы, не послала бы своим мучителям и убийцам сына царица Марина Мнишек.

Однако расчет Романовых на уничтожение соперника оправдался не вполне.

Мало того что подьячий Тимофей Анкундинов объявил себя сыном покойного царя Василия Шуйского и, разъезжая по чужим странам, просил «потентатов» о помощи для возвращения «отчего» престола и создавал множество неудобств молодому царствующему дому. Один польский шляхтич, присутствовавший при казни Заруцкого и «воренка», попытался выдать за несчастного замученного ребенка сына своего погибшего друга Дмитрия Лубы, Фаустина. Он отвез мальчика в Польшу и здесь всенародно объявил сыном Марины Мнишек, внуком Иоанна Грозного. Король Сигизмунд и паны отдали «царевича» на воспитание Льву Сапеге и назначили ему содержание в 6000 злотых. По мере урегулирования польско-русских отношений нужда во «внуке Иоанна Грозного» сходилась на нет, соответственно уменьшалось и его содержание; теперь эта сумма не превышала 100 злотых. Фаустин Луба жил в монастыре и изъявлял желание стать ксендзом. Но в Москве о нем не забыли. Правительство Михаила Романова упорно требовало и, в конце концов, добилось выдачи уже тридцатилетнего Ивана-Фаустина Лубы. В Москву он был привезен осенью 1644 года, в те дни, когда смертельная болезнь поразила первого царя из дома Романовых. Поляки просили царя Алексея Михайловича не лишать Лубу жизни, обещая, что он никогда не будет выдвигать претензий на русский престол. Однако скоро в Москву дошли слухи, будто его по-прежнему величают «царевичем». Это вызвало резкое недовольство российского двора.

Как закончил свою жизнь самозванный царевич, в точности неизвестно. По одним сведениям, он погиб в стычке с крымскими татарами, по другим – умер в монастыре; словом, просто растворился в сумерках истории.

Правление новой династии началось с трагедии. Может быть, поэтому она так рано пресеклась в своем мужском колене – в 1730 году со смертью императора Петра II. Еще 10 лет правила Анна Иоанновна Романова. Затем престол перешел к Гольштейн-Готторпскому княжескому дому через старшую дочь Петра Великого Анну. Но правители, отрицая очевидное, продолжали называть себя Романовыми, принимая вместе с именем груз вины династии. Видится пугающая закономерность в том, что дом Романовых, выйдя из стен Ипатьевского монастыря, начал правление злодейским убийством ребенка, и таким же злодейским убийством спустя триста лет его правление завершилось в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. И все эти годы убийства следовали одно за другим. На счету династии накопилось множество тайн, иногда страшных, иногда постыдных, часто так и не разгаданных.

Некоторые из них тревожат воображение потомков до наших дней.

Предки Петра

Чтобы ни говорили в советское время, как бы ни старались вытравить память о предках, происхождение во многом определяло характер, пристрастия и предпочтения, да и сам жизненный путь человека.

Родословная царя Петра I Романова никогда широко не обсуждалась, и его царственное происхождение редко подвергалось сомнению. Однако династическое наследование в эпоху средневековья считало очень важным легитимность представителей рода, претендующего на верховную власть.

Кто же такие были Романовы?

Братья Захарьины – Яков, Юрий и Василий – были внуками знаменитого московского боярина Федора Кошки, сына выходца из Пруссии Андрея Кобылы. Федор Кошка, любимец Дмитрия Донского, стал родоначальником многих дворянских родов. Внучка его Мария Федоровна была выдана за князя Ярослава Владимировича, сына героя Куликовской битвы Владимира Андреевича. В этом браке у них была дочь Мария, которая впоследствии стала женой Василия Темного и матерью Ивана III. Известно, что Мария Ярославна была единственным человеком, способным заставить Ивана III отказаться от своих решений. Лишь после ее кончины он стал жестоко расправляться со своими братьями.

Все три брата Захарьины славились храбростью и гордостью, подобно их деду Ивану Федоровичу Кошкину. Не имея княжеского титула, они не считали себя ниже Рюриковичей или Гедиминовичей. Внучка Юрия стала супругой Ивана IV, а ее сводный брат Никита – главой боярского правительства. Пятеро сыновей Никиты Романовича Захарьина стали называть себя Романовыми. Правнук Михаил Романов 11 июля 1613 года, за день до своего семнадцатилетия, был коронован на царство в Успенском соборе митрополитом казанским Ефремом. Страна присягнула новому царю и его детям – не более.

2 мая первый царь новой династии, сопровождаемый всем мужским населением столицы, вступил в Москву. Никаких выдающихся достоинств в нем не наблюдалось. Его род не был особенно знатен, сам он не проявил себя никоим образом в силу юного возраста. Его права на престол зиждились на родстве с Анастасией Романовной – первой и любимой женой Ивана Грозного. От ее сводного брата и пошел правящий дом Романовых. Скорбный разумом сын Анастасии царь Федор был Михаилу двоюродным дедом. Даже Тюдоры в Англии, считавшиеся выскочками, были в более близком, кровном по женской линии, родстве с царствующим домом.

Впоследствии пропаганда Романовых старалась вложить в разум подданных идею о завещании царя Федора Ивановича: якобы на смертном одре он передал корону двоюродному брату Федору Романову. За это узурпатор Годунов приказал постричь боярина в монахи. Не принято упоминать, что Федор Романов был возведен в сан митрополита Дмитрием I, а чин патриарха был ему дарован «Тушинским воров».

Мать Михаила, великая старица Марфа (в миру – княжна Аксинья Ивановна Шестова), сильно противилась возведению сына на трон – после насилий, учиненных в отношении прежних царей, она боялась потерять своего единственного оставшегося в живых ребенка. Надо сказать, что в роду Романовых детская смертность была очень высока. Пятеро детей Федора и Аксиньи умерли до смерти родителей: сыновья – во младенчестве, дочь – совсем молодой.

Помазанным царем считался Михаил, но долгое время для принятого протокола официальных бумаг использовалась необычная подпись: «Великие государи Михаил и Филарет». Слишком долго и упорно рвался Федор Романов к власти, чтобы уступить ее даже сыну. Это он, по сути, правил огромной державой, превосходя сына своеволием, умом, тщ-

славием и дипломатическими способностями. В конце жизни он решился даже на союз со шведами для войны с Польшей, но кампания завершилась тяжелым поражением русской армии. Только загадочная гибель шведского короля спасла Россию.

После четырнадцати лет управления страной и русской православной церковью Филарет скончался 1 октября 1633 года.

А «царь Михаил Федорович хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего».

Чтобы не допустить новой смуты, требовалось обеспечить преемственность молодой династии. Вопрос о царском браке волновал не только фамилию Романовых и двор, но и все государство. Инокня Марфа выбрала в жены сыну Марью Ивановну Хлопову. Она взяла ее на житье в свой терем, и скоро девушку стали величать царской невестой. Но милостивое отношение к ней Михаила и возвышение ее родственников вызвало зависть тогдашних дворцовых фаворитов Салтыковых. Стоило Марье захворать, они тут же объявили ее порченной, неизлечимо больной и отправили в ссылку. Подсунуть государю «порченную» невесту считалось государственным преступлением. Через некоторое время Филарет пересмотрел это дело, и девушку снова стали звать царевной, а Салтыковых сослали. Но теперь Марфа не желала этого брака: она возненавидела Марью из-за опалы своих любимцев.

Из-за всех этих интриг царь первый раз женился только в двадцать девять лет и не по зову сердца, а по велению строгой матери. Однако попытка привить к новому древу царственную лозу провалилась: первая супруга Михаила Мария Долгорукая, Рюриковна, умерла, не прожив и года. Зато вторая его жена Евдокия Лукьяновна Стрешнева, дочь незнатного дворянина, которую царь выбрал на смотре сам, крепко любила мужа, подарила ему множество детей и пережила его всего на один месяц.

В семье Михаила Федоровича мальчики не заживались. Но родители любили и царевен-дочерей. Ходили слухи, что Михаил Федорович ушел из жизни слишком рано, не пережив несостоявшегося замужества любимой старшей дочери Ирины Михайловны. Не поддался приехавший в Москву избранник – датский королевич Вальдемар ни на какие посулы. Невесту ему не показывали, но божились, что она благонравна, добродетельна, пьяной не напивается. Нищий нищим, а не согласился датчанин менять веру. Он с увлечением гонялся по густым подмосковным лесам за зверьем, завел любовницу, а в царский дворец вовсе перестал ходить. Более того, попытался бежать на родину, но его поймали и возвратили в Москву.

С браком младшей царевны Татьяны Михайловны и не затевались, зато она имела свои интересы и увлечения, прежде всего живопись, которой ей разрешил заниматься сам патриарх.

Царь Михаил скончался в ночь с 12 на 13 июля 1645 года, оставив по себе память как об очень мягком и добром человеке, милостивом к окружающим его людям.

Вещественные следы правления Михаила Федоровича – Земляной вал, нынешнее Садовое кольцо, окруживший за 1633—1640 годы весь город, стены Новоспасского и Симеонова монастырей, Гостиный двор в Китай-городе и многочисленные постройки в Кремле.

Алексей, единственный из оставшихся в живых сыновей Михаила Романова, вступил на престол в том же возрасте, что и его отец. Однако воспитание, привитое ему Борисом Ивановичем Морозовым, развило его ум и природные способности. Кроме того, родившись в царском дворце, он ощущал себя полноправным наследником трона и державы.

Современники отмечали его живость, восприимчивость, впечатлительность, пристрастие к церковным делам, но также раздражительность и гневливость, которые, впрочем, скоро проходили.

Он с почетом проводил датского королевича восвояси и перестал думать об иноземных женихах для сестер.

Его собственный брак был обставлен в соответствии со старыми обычаями: устроен всероссийский смотр невест.

Юный царь сразу выбрал дочь касимовского дворянина Руфа Всевожского Ефимию и не хотел никого другого. Ее кандидатура категорически не устраивала воспитателя царя, боярина Морозова. Он употребил всю силу убеждения, чтобы расстроить этот союз, но податливый во всех других делах Алексей в вопросе о собственной женитьбе оставался непреклонен. Ефимия была взята во дворец и наречена царевной. Морозову пришлось пойти на крайние средства: теремные боярыни, заплетая царевне косу, сильно перетянули волосы. От боли девушка лишилась чувств. Ее объявили «порченой» и, как водится, вместе со всей семьей отправили в ссылку в глухомань. Чтобы утешить расстроенного воспитанника, Морозов предложил ему на выбор двух сестер Милославских.

Характерно, что во многих российских родословиях дом Милославских не упоминается вообще. Другими словами, царствующая династия постаралась искоренить память о высоком происхождении первой жены Алексея Михайловича, чтобы не возникало нежелательных сравнений с очень скромным происхождением его второй супруги. Милославские происходили от знатного литовского выходца Вячеслава Сигизмундовича, прибывшего в Москву в свите Софьи Витовтовны, невесты великого князя Василия Дмитриевича. Его внук Терентий Федорович принял фамилию Милославский. В роду Милославских были воеводы, бояре, один из них стал сибирским наместником.

Алексей выбрал старшую сестру Марию. Морозов утаил, что она на пять лет старше царя. 16 января 1648 года сыграли царскую свадьбу.

А боярин Морозов женился на младшей Милославской, Анне, годящейся ему по возрасту во внучки, и в одночасье стал свояком царя – на этом и строился весь расчет.

Молва приписывала Марии Милославской умение колдовать. Ходили слухи, что вместо левой ноги у царицы раздвоенное копыто – проявление ее нечеловеческой сущности. Такой причиной объясняли суеверные россияне исключительную привязанность, которую, как считали, царь на протяжении всех двадцати лет брака испытывал к жене. С другой стороны, поговаривали, что Мария очень старалась, но никак не могла угодить супругу: все ему было не так; видно, не мог забыть первую любовь.

Морозову Алексей Михайлович не простил интриги по устранению любезной ему Всевожской и навсегда отдалил от себя. По-видимому, Ефимию он действительно помнил и сразу после свадьбы распорядился Всевожских из ссылки освободить. Отца девушки царь назначил воеводой сначала в Верхотурье, затем в Тюмень. Но долго порушенная невеста не прожила – после позора и бесчестья отпущено ей веку было всего десять лет.

Алексею Михайловичу был необходим человек, к советам которого он бы прислушивался и на которого мог всецело положиться.

Еще в 1646 году он познакомился с архимандритом Новоспасского монастыря Никоном. Пораженный сильным, страстным характером этого энергичного и волевого человека, царь оставил его при себе, несмотря на то что тот был простой волжский мужик – «в миру мордовский крестьянин Никита Минов».

С 1651 года влияние Никона на царя стало полным и неоспоримым. Он получил сан митрополита. Этот крутой нравом священнослужитель сумел силой убеждения подвести под свою руку вечно колеблющегося царя.

Через год, 25 июля 1652 года, митрополит был «без жеребия» посвящен в патриархи, другими словами, стал главой российской церкви. Но он принял власть при условии «еже во всем его послушати и от бояр оборонить и его волю исполнять». Алексею Михайловичу пришлось обещать, что отныне он не будет вмешиваться в дела церкви и духовенства. Никон умело направлял стремления царя на дела военные, поскольку в отсутствие государя патриарх становился единственным главой государства Московского.

Никон начал церковные реформы. Они, в общих словах, заключались в проведении богослужения по греческому образцу вместо древнерусского. Крестное знамение следовало теперь творить не двумя, как раньше, а тремя перстами. У Никона была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодевать по-немецки или по-голландски.

Когда была напечатана первая исправленная Никоном книга «Служебник церковный», народ с любопытством стал ее читать. Она понравилась далеко не всем. Те, кто отринул идеи Никона, отмежевались от тех, кто одобрил исправления.

Произошел церковный раскол.

Притягательная и обаятельная для масс сила противников Никона заключалась в том, что они являлись борцами и защитниками родной, попираемой Никоном старины, борцами, как сказали бы теперь, за русскую самобытность, которой угрожало гибелью введение иностранных новшеств. Отделившиеся, назвавшись православными староверами, или раскольниками, настолько не переносили своих прежних братьев по вере, что даже не желали есть и пить с ними из одной посуды, не ходили в церкви, где служили по новым книгам, не слушали священников тех церквей.

Царь принял сторону Никона.

Но когда патриарх заявил, что власть церковная выше власти светской и попытался взять на себя функции государя, между Никоном и царем произошел разрыв. Никон желал или все, или ничего. Он отказался от сана, не добившись так манившего его слепого послушания монарха, и демонстративно удалился в Воскресенский монастырь, надеясь, что царь его вернет. Но этого не случилось.

Царь хотел править самовластно, хотя его власть имела пределы.

Страшным потрясением для него оказалось общение с собственными подданными во время Соляного бунта. Тогда ему, помазаннику божьему, чтобы спасти собственную жизнь, пришлось выдать на растерзание толпе близких ему людей: Леонтия Плещеева, Назария Чистого, Петра Траханиотова.

Еще более мучительные воспоминания вызывали события Медного бунта, когда 25 июля 1662 года толпы людей двинулись к царю в Коломенское. Выпуск новых денег всколыхнул всю Москву, замена серебра медью разорила слишком многих. Толпа потребовала разговора с государем, и Алексею Михайловичу пришлось бить по рукам в подтверждение своего обещания выполнить все требования. Царя держали за платье, за пуговицы, есть сведения, что его «валяли». Толпа не обратила внимания, что разговоры тянулись слишком долго – к Коломенскому успели подойти стрелецкие полки. Посадские люди были полностью разгромлены: одни убиты, другие потоплены в Москве-реке, третьи искалечены, а остальные разогнаны.

В царствование Алексея Михайловича пришла на Русь «черная смерть» – моровое поветрие, унесшее едва ли не половину жителей страны.

В марте 1669 году умерла горячо любимая жена Мария Милославская, родившая ему шесть дочерей и пять сыновей. Казалось, с таким количеством потомков мужского пола будущее династии обеспечено. Но старший сын Дмитрий умер сразу после рождения. Наследником был объявлен второй по старшинству царевич Алексей, который тоже прожил недолго. В год смерти матери скончался третий сын, Семен. В живых остались царевичи Федор, мальчик умный и интеллектуально развитый, и Иван, который с физической немощью соединял определенные странности поведения, что давало основания заинтересованным лицам обвинять его в умственной недоразвитости. Выжившие дочери – Екатерина, Федосья, Марфа, Мария и Софья на здоровье не жаловались.

На парадных портретах Алексея Михайловича этого времени мы видим приветливо-благодарное, хотя и не слишком красивое лицо с легкой полуулыбкой, спрятавшейся в темно-русой бороде, румяные щеки, голубые глаза – мужчина в соку.

Овдовев, царь решил вступить в новый брак. Были назначены смотрины – претенденток в царицы представили царю. Эта процедура напоминала современные российские выборы: девушки соответствующим образом готовились, родители лелеяли радужные надежды на собственное возвышение через дочерей, а результат был заранее предreshен.

Избрана должна была быть двадцатилетняя Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанница личного друга царя, думного дворянина, главы Посольского и Аптекарского приказов Артамона Сергеевича Матвеева, весьма влиятельного, хотя и неродовитого человека.

Однако случилась неожиданность: Алексею Михайловичу сильно приглянулась незнатная сирота Авдотья Беляева. Дело с женитьбой застопорилось. Напрасно Матвеев и его сторонники с возмущением указывали государю на недопустимо худые руки девушки – он готов был смириться даже с этим недостатком. Пришлось задействовать некрасивую интригу, скомпрометировавшую дядю сироты-невесты и достигшую цели: Беляеву с дядей удалили из дворца и сослали в деревню.

В январе 1671 года царь заявил о своем желании взять в жены Наталью Нарышкину.

Что же представляла собой та женщина, которой выпало на долю стать матерью Петра Великого?

Согласно легенде, проезжая через одно рязанское селение, Артамон Матвеев увидел девочку-подростка, неутешно рыдающую у дороги. Тронутый ее горем он спешил и узнал, что она оплакивает «рабу, которая удавилась». Такое живое проявление чувств побудило Матвеева принять участие в судьбе девочки и взять ее к себе на воспитание. Матвеев был человек европейского склада, приверженный передовым и свободным взглядам, к тому же женатый на иностранке шотландско-датского происхождения Евдокии Гамильтон. Супруга Матвеева позволяла себе дома носить европейское платье и свободно разговаривать с гостями-мужчинами. Воспитанница Наталья, поселившаяся в доме Матвеевых на положении полуслужанки-полукомпаньонки, не слыла затворницей, подобно другим московским девушкам, и, по-видимому, сумела привлечь Алексея Михайловича приятным обхождением, живостью и веселостью, словом, непохожестью на традиционно скромную, почти бессловесную обительницу терема.

По крайней мере, такова общепринятая версия событий.

Непреодолимая страсть вовсе не поразила царя, как молния, он отнюдь не впервые увидел невесту на смотринах, а был давно и близко с ней знаком.

Многие осуждали брак царя. Считалось, что первая жена от Бога, вторая – от дьявола. Бестрепетная боярыня Федосья Морозова, известная своим мученичеством и трагической судьбой, плюнула гонцу на сапог, когда Алексей Михайлович послал звать ее на свадьбу. Тем самым она высказала осуждение царю и унизила Нарышкину.

Сейчас трудно понять, почему второй брак государя вызывал такое кипение страстей. Ведь многие великие князья и цари женились вторично; Мария Тверская была третьей женой Симеона Гордого, Софья Палеолог – второй супругой Ивана III; Иван Грозный своим женам счет потерял, его сын Иван Иванович трижды вступал в брак; царя Федора Ивановича прямо-таки заставляли развестись с Ириной Годуновой и снова жениться...

Может быть, все дело было в происхождении Натальи Кирилловны Нарышкиной?

Не крылась ли здесь какая-то тайна?

Современная исследовательница Раиса Слободчикова, считающая себя потомком Нарышкиных, провела генеалогические изыскания корней своего рода, которые выявили неожиданные факты.

В 1391 году литовский князь Витовт выдал замуж свою дочь Софью за Василия, наследника Дмитрия Донского. Обоз с приданным Софьи сопровождал некий Нарышко. Он был караимом, то есть евреем, чьи предки разошлись с ортодоксами. Караимы не признавали Талмуд и следовали Пятикнижию Ветхого завета. Большое количество караимов удалилось от своего племени и поселилось в Крыму, где они служили крымским ханам. Во время союза Витовта с крымскими татарами многие караимы перешли к нему на службу.

В Московии Нарышко вскоре принял Православие и получил фамилию Нарышкин. Видные историки-геральдисты – А.А. Васильчиков, А.Б. Лобанов-Ростовский⁴ – упоминают представителей семьи Нарышкиных на служилых должностях, причем отмечают их происхождение от древнего караимского рода, более знатного, чем Романовы.

Но со времен Дмитрия Донского много воды утекло. Живя среди россиян, Нарышкины вступали в браки с русскими девушками и полностью ассимилировались. Так, матерью царицы Натальи была Анна Леонтьевна, урожденная Леонтьева. Однако если даже сейчас вспоминаются «татарские» глаза Натальи Кирилловны, можно представить, как были распалены страсти современников!

Придворный мир разделился на две враждебные партии, поскольку каждая из жен Алексея Михайловича привлекла ко двору свою родню и друзей.

Тем временем необразованная, но отнюдь не бесхитростная царица Наталья быстро утвердилась во дворце, оттеснив на задний план все остальное царское семейство.

⁴ Отмечается караимское происхождение также родов Апраксиных и Матюшкиных.

Появление на свет и первые годы жизни Преобразователя

Согласно легенде, ученый Симеон Полоцкий, который был сведущ и в астрологии, поведал Алексею Михайловичу, что его молодая супруга зачала мальчика, которому суждено вырасти выдающимся человеком; он станет великим воином и победит многих врагов, заслужив такую славу, какую не имел никто из русских царей; искореняя злодеев, он будет любить трудолюбивых, сохранит Христову веру и совершит много других славных дел.

Как похоже это пророчество на предсказания необыкновенного будущего какого-нибудь европейского властителя, впоследствии совершившего великие деяния!

Царю так требовалось высшее одобрение: он тяжело переживал страшное восстание Степана Разина, а мучительная казнь бунтовщика отнюдь не внесла успокоения в его душу. И знак высшего одобрения был ему ниспослан.

В следующем году, 30 мая, Наталья родила сына Петра. До сих пор для историков остается загадкой, где родился будущий Преобразователь. Документальные данные о месте его рождения отсутствуют. Теоретически это могло быть либо Коломенское, либо Преображенское.

Роды были очень тяжелые и затяжные. На третьи сутки царицу причастили. Видя мучения молодой жены, Алексей Михайлович призвал Симеона, который успокоил будущего отца, обещав, что ребенок появится через пять часов. Когда наступил пятый час, астролог пал на колени и стал молиться, чтобы роды продлились еще часок. Возмущенному царю, желавшему, чтобы мучения жены поскорее закончились, он объяснил, что, ежели ребенок появится в первые полчаса, веку его будет пятьдесят лет, если же во второе полукасие – доживет до семидесяти.

Симеон не сильно рисковал, давая такие предсказания, – страдающий ожирением царь вряд ли сумел бы их проверить. Но в этот момент на свет появился тот, кому суждено было стать Петром Великим.

Младенец родился крепеньким, здоровым, с материнскими черными «татарскими» глазами и очень похожий на дядьев Нарышкиных.

На радостях царь устроил пышный пир. На накрытых столах красовались сахарный кремль, лебедь, гусь и орел, большие фляги были наполнены хмельным медом, рекой лились редкие заморские вина. Великий государь из своих рук жаловал всех гостей водкой, ее закусывали коврижками, яблоками, имбирем, цукатами и другими лакомствами.

Относительно того, был ли ребенок действительно сыном царя, существуют разные мнения.

В народе ходили упорные слухи, что Петр – не «природный» сын Алексея Михайловича.

Многие замечали, что считать Петра «не настоящим» Романовым были серьезные основания. Тот совсем не напоминал своих царственных предков и разительно отличался от низеньких и полных Романовых высоким ростом, смуглым лицом, живыми черными глазами, большой физической силой и взрывными реакциями. А дети Алексея Михайловича от Милославской росли типичными Романовыми – маленькими, упитанными, психологически стабильными. Но высокий рост, холерический темперамент и чрезмерную импульсивность могла передать сыну Наталья Кирилловна. Многие историки описывают ее как рослую и статную красавицу, с густыми темными волосами и прекрасными черными глазами. На портрете неизвестного художника, который принято считать изображением Натальи, мы видим женщину несколько восточной внешности – черноглазую, с крупным носом.

Что необычного в том, что сын похож на мать?

А. Труайя намекает, что отцом Петра мог быть патриарх Никон. Этот высокий черноглазый властный человек якобы увивался за красивой молодой царицей. Но смелое предположение писателя опровергает простая хронология. Поборник новых обрядов разошелся с царем и был отослан в дальний монастырь еще в 1666 году. Так что он вряд ли мог быть отцом царевича, родившегося шесть лет спустя⁵.

К появлению на свет Петра считали причастным и субличного энергичного постельничего Тихона Стрешнева, и конюха Мишку Доброго, и (особенно!) двоюродного брата Натальи Кирилловны Петра Нарышкина, а также многих других «молодцов».

Известно, что Петра чрезвычайно волновал вопрос о его происхождении. Войдя в возраст, он стремился узнать, кто мог быть его настоящим отцом, и при этом использовал простые и действенные методы. Но даже вздернутый на дыбу для добывания правды о любовниках Натальи Кирилловны Тихон Стрешнев прокричал лишь, что «много их было». Полагали, что перед смертью сын заставил тяжелобольную женщину открыть ему свою тайну – если она существовала на самом деле.

Не опускаясь до обсуждения возможных вариантов адюльтера, можно упомянуть еще одну версию, выдвигаемую в последнее время.

Начиная с самого детства рядом с Петром находился человек незаурядный – князь Федор Юрьевич Ромодановский.

Ромодановские происходили из старинного рода князей Стародубских. Их предок князь Федор, представитель тринадцатого колена от Рюрика, прозванный Благоверным, был убит в Орде в 1330 году. Фамилия относилась к Рюриковичам «второй руки», но считалась гораздо знатнее Романовых. Отец Федора Юрьевича, князь Юрий, пользовался особой благосклонностью и доверенностью Алексея Михайловича; считался его любимцем, «премьер-министром», возглавлял Пушкарский приказ, был воеводой в Казани. Он сыграл большую роль в разрыве монарха с патриархом Никоном и был послан в Успенский собор объявить патриарху гнев царя за то, что тот «писался великим государем».

Фамилия Ромодановских на протяжении нескольких столетий давала России бояр, полководцев, крупных администраторов.

Федор Юрьевич вырос во дворце и в молодости был очень хорош собой. Согласно разрядным книгам, он числился «комнатным стольником» Алексея Михайловича, и практически являлся членом царской семьи. Он был способным полководцем и разбил под Чигирином турецкую армию Каплан-паши.

Петр называл Ромодановского «князем-кесарем», «величеством», а себя по отношению к нему именовал «холопом и последним рабом». Князь-кесарь правил Россией во время Кожуховского похода, Великого посольства Петра за границей, затянувшегося на полтора года, управлял Москвой, Преображенским приказом и при нем Тайной канцелярией – царской службой безопасности с правом производить в чины и другими очень широкими полномочиями. Дочь Ромодановского Феодосия имела право носить титул «великой цесаревны».

Петр почти до конца его жизни сохранил за Ромодановским всю внешнюю, представительскую сторону царской власти, продолжая величать его письменно и в личном обращении царским титулом и строго требуя того же от остальных. Многих удивляло, что представитель не слишком знатной фамилии, Петр так рисковал, доверяя Федору Юрьевичу – Рюриковичу – и власть, и трон. Безусловно, в основе такой длительной и непреходящей привязанности Петра к Ромодановскому скрывалась какая-то тайна.

⁵ Однако значительно позже раскольники, не желая подчиняться Петру и называя его воплощением Антихриста, утверждали, что его отцом был патриарх Никон.

Сохранилось несколько изображений князя-кесаря. Одно – в старорусском кафтане поверх легкого шелкового платья, с длинными, заложенными за уши волосами и такими же длинными, по польской моде, усами. Другое – в горностаевой мантии и латах, как того требовала в отношении царственных особ западноевропейская традиция. Действительно, на портретах Федора Юрьевича и Петра просматривается несомненное сходство.

Ромодановский – настоящий отец Петра?

Однако как совместить это со стремлением сделать предполагаемого отца шутом на девятом десятке?

Но даже если, как полагает Иван Крылов⁶, Петр и был сыном Ромодановского, это никак не умаляет его достоинства как государя.

И еще один факт в пользу законности происхождения Петра. Когда время охладило страсти и поменяло политические приоритеты, в 1698 году его старшая сводная сестра царевна Марфа, измученная цингой и бедностью, заточенная братом в монастыре Александровской слободы, писала: «хоть и есть я неведомо где, да я того же отца дочь, такая же Алексеевна». Опальной царевне нечего было терять, не на что надеяться; она, чтобы уязвить своего притеснителя, могла бы высказать сомнения в «подлинности» сына Нарышкиной, но нет, она косвенно опровергает слухи о внебрачном происхождении сводного брата.

Итак, следуя правилу практичных французов: «муж матери – отец ребенка», считаем Петра сыном дома Романовых.

Алексею Михайловичу оставалось позаботиться, чтобы нищая царицына родня не позорила своей скудностью царский обиход. Кирилл Полуэктович Нарышкин получил один за другим чины думного дворянина и боярина, а вместе с ними и щедрой рукой наделенные вотчины. Ждали его и большие богатства, и высшие государственные должности.

Краеведы любят рассказывать о частых визитах царя с молодой женой к тестю, о том, как сразу же начали привозить счастливые родители к бабушке и дедушке Анне Леонтьевне новорожденного Петра в село Семчино. Эта идиллия давно уже приобрела статус истины. Но вот незадача – согласно документам, при жизни Алексея Михайловича отец царицы Натальи Семчиным не владел и купил его уже после смерти зятя, опасаясь, что все дареные вотчины новые правители у него отберут.

После женитьбы на Наталье Кирилловне любимым местом пребывания царя становится село Преображенское – подальше от откровенно осуждающих отца детей от первого брака. Оно находилось на Яузе всего в семи верстах от Московского Кремля. С запада к нему примыкало широкое Сокольническое поле, за которым раскинулось большое село Красное у Красного пруда (теперь это площадь трех вокзалов). У бывшей Сокольничьей заставы был устроен Сокольничий двор, и жили в особой слободе царские сокольники. К северу, за Красным прудом, простирался обширный лес, в старину – Лосиный остров (теперь это парк Сокольники).

На северо-востоке от Преображенского располагалось село Измайлово с великолепными садами и царскими огородами, исконная вотчина бояр Романовых. За Преображенской заставой к Измайлову примыкало старинное село Черкизово, а при впадении в Яузу у речки Сосенки, напротив Покровского, стояло село Семеновское.

В одной версте ниже по Яузе покровского находилась обширная немецкая слобода, или Кукуй, куда в 1662 году переселилось множество иноземцев, обосновавшихся в Москве.

В Преображенском царь словно помолодел. Во дворце была оборудована специальная «комедийная хоромина» – театральная зала, где в октябре 1672 года состоялось первое представление придворного театра. По приказу Алексея Михайловича велено было «на комедии действовать из библии книгу Есфирь».

⁶ Крылов И. Кесарю – кесарево! // Культура. № 28. 2009.

На представлении присутствовали его супруга, сестры и дочери – правда, сидели они отдельно от мужчин, за легким занавесом. Впоследствии эта граница была уничтожена и женская часть царского семейства соединилась со своей аристократией.

К изумлению и ужасу подданных, Наталья Кирилловна без мужа ездила в Москву и появлялась на народе в «открытой колымаге» – карете с прозрачными стеклами, хотя раньше цариц тщательно скрывали от чужого глаза. По-видимому, именно в это время сумел ее увидеть и описать один иностранный путешественник: «Это женщина во цвете лет, роста выше среднего, с черными глазами навывкате; лицо у нее кругловатое и приятное, лоб большой и высокий; вся фигура красивая, отдельные члены соразмерные; голос, наконец, приятно звучащий и все манеры крайне изящны». Она любила богато одеваться: один из портретов являет царицу в ездвом платье, аксамитной⁷ телогрее и крытой бархатом соболиной шубе. На голове у нее треух, на ногах красные сафьяновые башмаки.

Домашний обиход царей претерпел изменения по сравнению с прошлыми годами. Алексей Михайлович стремился к красивой новизне, украшавшей дворцовый быт и увеличивающей его комфорт. Появившиеся новая мебель, статуэтки, зеркала, затейливо украшенные часы, столы и стулья немецкой и польской работы вносили заметные изменения в интерьер царского дворца и боярских хором. При дворе ходили многочисленные переводы латинских, немецких, польских текстов. Русские люди боярского и приказного чина постепенно знакомилась с иностранными языками.

Как отмечал Н.М. Карамзин, «царствование первых Романовых способствовало сближению россиян с Европой. Но изменения происходили тихо, едва заметно, без порывов и насилия».

Не сохранилось сведений о какой-либо особенной любви Алексея Михайловича к царевичу Петру, если не считать рассказа о подарке сыну маленькой, но почти как настоящей кареты. Однако не в обычае самодержцев было публично демонстрировать нежные чувства к членам своей семьи.

В 1673 году царица Наталья родила дочь, названную в честь матери, а в 1674 году – еще одну дочь, Феодору. Никакими особенными торжествами эти события не отмечались. Может быть, Алексей Михайлович был уже нездоров – принято считать, что его одолели цинга, водянка и чрезмерная тучность, которые и свели второго Романова в могилу в 1667 году. С другой стороны, и рождения старших царевен практически не отмечались. В честь появления дочерей у государя не бывало ни стола, ни именинных пирогов, более того, в этот день часто не было и выхода к обедне. Это неудивительно: ведь с рождением дочери прибавлялись только расходы, да появлялась еще одна затворница, обреченная весь век вековать на женской половине. Выходить замуж за подданного запрещал обычай. Выдавать же царевен за иноземных принцев мешали многие обстоятельства, в особенности различие вероисповедания. Так и умирали царевны безбрачными, в преклонных летах.

В то время женская часть царской семьи была весьма многочисленной: царевны Ирина и Татьяна Михайловна, Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария и Феодосия Алексеевны. Каждая из царевен имела свой двор, который приходилось кормить царю и который играл незаметную, но весьма важную роль в дворцовой политике. Весь этот гинекей ненавидел свою молодую невестку и мачеху.

Нерешительный и слабовольный Алексей Михайлович находился под сильным влиянием сестер и дочерей. В сорок семь лет уже ничего не хотел, в том числе управлять страной. Чрезмерная тучность усугубляла его многочисленные недуги. Он приказал выпустить из тюрем всех узников, причастился и стал ждать смерти.

⁷ Аksamит – драгоценная ткань, затканная крученой золотой нитью по шелковому фону

Алексей Михайлович вошел в историю как Тишайший. Милостивым и справедливым принято считать его правление. Но по разинскому розыску только в одном Арзамасе казнили больше десяти тысяч повстанцев; еще страшнее карали жителей Астрахани и Царицына. В крови были потоплены Соляной и Медный бунты. По приказу Тишайшего осуществлены многие зверства против староверов. В земляной тюрьме заморены голодом Федосья Прокопьевна Морозова, ее сестра княгиня Евдокия Урусова и дворянская жена Мария Данилова; разгромлен Соловецкий монастырь, монахов кого утопили, связав попарно, кого повесили за ребро на крюк.

Страшную картину его смертных мучений за эти злодеяния живописал яростный поборник старых обрядов протопоп Аввакум: «расслаблен прежде смерти... а изо рта, и из носа, и из ушей нежид (сукровица) течет, бытто из зарезанной коровы. И бумаги хлопчатые не могли напасться, затыкая ноздри и горло... Наказание Божие было за разрушение старья христианския святыя нашея веры».

После кончины царя возникли слухи, что Наталья Кирилловна поспособствовала мужу перейти в мир иной – извела его черной магией или отравила, сговорившись со своим воспитателем Артамоном Матвеевым, который слыл химиком и чернокнижником. Но в таком случае она просто рубила под собой сук, поскольку со смертью царя теряла свое положение. Пойти на такое можно было только для спасения чего-то большего. Официальная историография Романовых никогда не рассматривала возможность развода, планируемого оскорбленным вольным поведением супруги Алексеем Михайловичем, однако она не исключается. Разговоры об этом ходили, и нечто скрытое и неприглядное имело место, но касалось ли это верности царицы, неизвестно.

И все-таки, скорее всего, обвинения в злоумышлении на жизнь супруга были облыжными. Знавший ее лично князь Куракин отмечал, что она «была доброго нрава, только не прилежна, не искусна в делах и ума легкого». У нее не было собственной сильной партии, поскольку Нарышкины принадлежали «к самому низкому шляхетскому роду». За нее стояли многочисленные дядья и братья, родные и двоюродные. Сын Натальи Кирилловны был еще мал и не имел оснований претендовать на верховную власть, поскольку здравствовали по крайней мере двое законных наследников трона мужского пола. Царь, как было заведено, завещал трон своему старшему сыну от первого брака, четырнадцатилетнему Федору.

Петр во время беспокойного правления царя Федора

В 1674 году Алексей Михайлович «объявил» Федора народу. Торжественный акт «объявления» свидетельствовал о достижении царевичем совершеннолетия и, что гораздо важнее, об официальном признании его наследником престола. За Федором шел его младший брат – странноватый царевич Иван.

Разумеется, можно предположить, что, злоумышляя на Алексея Михайловича, дальновидная царица Наталья предугадывала пресечение рода Милославских ввиду их слабого здоровья – по-видимому, какой-то наследственной патологии – и закономерный переход короны к ее собственному сыну. Но тогда это уже не импульсивная, «легкая умом» Наталья Нарышкина, а прямо какая-то коварная Екатерина Медичи.

Ползли слухи, что первый министр боярин-канцлер Артамон Сергеевич Матвеев, несмотря на наличие двух старших братьев, пытался посадить на престол царевича Петра Алексеевича. Как уже отмечалось, мать Петра и ее родственники Нарышкины были креатурами Матвеева, который мог сделаться при малолетнем царевиче всемогущим регентом. Говорили, будто канцлер убеждал умирающего царя и бояр, что Федор очень болен, «даже мало надежд на его жизнь». Другой сын Алексея Михайловича, Иван, тоже не способен править, тогда как Петр, на диво, здоров. Но поколебать государя ему не удалось.

Действительно, в это время состояние здоровья Федора вызывало острое беспокойство. Тетки и сестры царя безысходно находились возле его постели. Они питали самое черное недоверие к Аптекарскому приказу, возглавляемому А.С. Матвеевым.

Среди этих женщин выделялась шестая дочь царя Софья.

Эта исключительно умная и энергичная женщина стала настоящим лидером Милославских. Никто не мог сравниться с ней в хитроумии, красноречии и изобретательности. Ее честолюбие было безграничным, способности – тоже. Она успешно занималась живописью. В древней Руси изобразительное искусство, в частности иконопись, было областью, где широко применялся женский труд, и только Петр I специальным указом запретил женщинам заниматься иконописанием. Она также хорошо играла на клавесине и сочиняла «комедийные действия», в которых потом сама и выступала. По уверениям Н.М. Карамзина, которому довелось прочесть драматические сочинения Софьи, она принадлежала к числу настоящих хороших драматургов и одаренных литераторов. К тому же она участвовала в своей первой постановке Мольера на русской сцене.

Очень образованная – она вместе с братьями училась у Симеона Полоцкого, – царевна была сведуща в истории и знала, какое место в государстве может занимать женщина. Прошлые являли тому немало примеров. Величественная царица Семирамида; Ирина, правившая Римской империей, самовластно объявлявшая войны и заключавшая мир, не стеснявшаяся посылать под розги непослушного сына-императора. Елизавета Английская, королева-девственница, которая подчинила надменную английскую знать, разбила испанскую Непобедимую армаду, сделала Англию самой передовой страной Европы. Да что далеко ходить! Достаточно свеж был и пример правительницы Елены Глинской, матери Ивана IV Васильевича: литвинка, признаваемая за чужестранку, она после смерти супруга в обстановке борьбы мощных противодействующих сил сумела захватить власть и править твердой рукой.

Правда, сторонники Софьи примеряли к ней не сомнительную Глинскую, но почти святую Пульхерию, управлявшую Византией вместо брата-императора Феодосия II. Отчет-

ливо вырисовывалась параллель: Элия Пульхерия Августа и Феодосий II – Софья Алексеевна и Федор Алексеевич Романовы.

Софья окружила своего брата умными и достаточно прогрессивными советниками, первым из которых был князь Василий Голицын, по скандальной дворцовой хронике, «царевны полюбовник». Матвеев был удален со своей должности, а русскую медицину возглавил представитель высшей родовой знати, пользовавшийся всеобщим доверием, – боярин Никита Иванович Одоевский. Через неделю он созвал консилиум, шести ведущих медиков страны. Обследование Федора показало, что «его государская болезнь ни от какой порчи (!), но от его царского величества природы... та-де цынга была отца его государева». Врачи указали, что хроническая болезнь дает сезонные обострения, которые купируются с помощью внутренних и внешних укрепляющих средств, «сухой ванны», мазей на царские «ношки». Полное излечение возможно, но «только исподволь, а не скорым временем».

Острый конфликт между сторонниками Милославских и Нарышкиных будоражил царское семейство. Однако Федор не давал в обиду ни маленького Петра, ни его мать, за определенные свойства характера получившую прозвище Медведица, или Медведиха. «Откуда только и за что наслана на наше семейство эта медведиха?» – плача вопрошала царевна Софья. Действительно, царица Наталья отличалась вспыльчивостью, заходила в гнев; от сильных чувств заикалась и путалась в словах, норовила ударить рассердившего наотмашь, в сердцах теряла слух. Но к Федору она была подобострастно почтительна и ласкова...

Тем неожиданнее было обвинение любимой мамки Федора, нянчившей его с младенчества, Анны Петровны Хитрово, суровой постницы и богомолки: перед своим воспитанником она обличила в страшных преступлениях А.С. Матвеева и Нарышкиных. Дядька Федора, Иван Хитрово, поддержал обвинения родственницы. У Федора не было оснований не доверять их безусловной преданности. И все-таки, как рассказывается в «Истории о невинном заточении» боярина А.С. Матвеева, потребовались «новые ужасные клеветы», чтобы царь отправил его в ссылку. В 1677 году братья царицы Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий Нарышкины, по обвинению в подготовке убийства Федора Алексеевича были приговорены боярами к смерти, но царь лично заменил казнь изгнанием.

Эта таинственная история весьма слабо освещена в источниках; имеются лишь неясные отголоски происшедшего; но наивно было бы предполагать, что какие-либо компрометирующие документы могли быть сохранены Нарышкиными и Петром.

Остается впечатление, что покушение на жизнь царя Федора все-таки имело место – иначе почему смертный приговор братьям Натальи Кирилловны? И так ли проста и незамысловата была эта женщина, последующее шестилетнее регентство которой практически замалчивается большинством историков?

Вдовствующая царица, едва избежав пострижения в монастырь, вместе с четырехлетним Петром и младенцами-дочерьми была отправлена на постоянное жительство в подмосковное село Преображенское.

В этих местах, с большим Красным прудом, с лесами и рощами, болотцами и ручьями, мужал Петр. Именно здесь происходили его военные игры.

А в Кремле торжествовали Милославские.

Федор Алексеевич в детстве был довольно здоровым ребенком. Об этом сохранилось большое количество свидетельств современников. Известно, что в 70-е годы он часто сопровождал отца на богомолье и на охоту. Но позднее его здоровье ухудшилось. Причиной болезни Федора считали следующее происшествие. Он, «будучи на тринадцатом году, однажды собирался в пригороды со своими тетками и сестрами в санях. Подведена была ретивая лошадь; Федор сел на нее, хотя был возницею у своих теток и сестер. На сани на село их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Сани всею своею тяжестью проехали по спине лежащего на

земле Федора и измяли у него грудь». Царевич поправился, но чувствовал «беспрерывную боль в груди и спине». В своих записках А.А. Матвеев, сын боярина Артамона, упоминает также о «скорбунной болезни», которой были подвержены Алексей Михайлович и его сыновья Федор и Иван Алексеевичи.

Но если царь Федор и был подвержен телесным немощам, ум его был широк и ясен.

Первым из русских царей он получил прекрасное по понятиям того времени образование. Когда Федору исполнилось девять лет, учить его грамоте начал подьячий Посольского приказа (Министерства иностранных дел) П.Т. Белянинов и преуспел в этом. «Пожаловал великий государь подьячего... во дьяки⁸ Панфила Тимофеева, сына Белянинова за то, что он выучил великого государя царевича и великого князя Федора Алексеевича писать; да ему же, Панфилу, указал своего великого государя жалованье давать сверх того годовое жалованье денежное по вся годы и всякие доходы против прежнего».

Следующим наставником царевича стал белорусский ученый и поэт Симеон Полоцкий, пользовавшийся большим авторитетом при дворе. Странник более широкого светского образования, он обучал своего питомца латинскому и польскому языкам, философии, риторике и поэтике помимо обязательного богословия. Постоянно общаясь с Симеоном Полоцким, Федор в значительной мере приобщился к западной, в первую очередь польской, культуре.

Он писал стихи, сочинял музыку, в основном духовные песнопения.

Приход к власти царевича из рода Милославских ничего хорошего второй семье его отца не сулил. Золотой дождь царских милостей кончился безвозвратно. Кирилл Полуэктович Нарышкин не обманулся в своих худших ожиданиях и почти сразу после погребения царя был лишен своей должности главного судьи в Приказе большого дворца и жалованных имений. Скорее всего, сказалось влияние старших сестер нового царя, ненавидевших молодую мачеху.

В 1678 году умерла младшая царевна Феодора Алексеевна. Вдовья царица сознавала, что позиции Нарышкиных еще более ослабели – все ее значение заключалось в детях, особенно в сыне. В отличие от Софьи, царица Наталья ничего не представляла сама по себе.

Она души не чаяла в ребенке, под ее приглядом его холили и лелеяли. Принято считать, что царевич встал на ножки и начал ходить на шестом месяце, но отняли от груди его только в два с половиной года, поэтому у него были две кормилицы.

Петр рос на природе, подобно обычным деревенским детям. По заведенному обычаю, когда царевичу исполнилось пять лет, к нему из придворной знати приставили «породистых сверстников», которые становились его комнатными людьми. Они вместе жили, кормились, спали. Однако между ним и иными дворянскими недорослями имелась существенная разница: Петра, как юного Ахилла, завораживало оружие, привлекали воинственные игры...

Согласно известному историческому анекдоту, царь подарил сыну маленькую сабельку, которая совершенно очаровала ребенка и с которой он не расставался, даже спал с нею.

И.И. Забелин в своей панегирической книге «Преображенское, или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого» рассказывает о славном детстве будущего реформатора. Ему, трехлетнему, «дворцовые мастера беспрестанно готовили разное игрушечное оружие: пистолеты, карабины, ружья, сабли, палаши и тому подобное, особенно барабанцы, которые и разбивались беспрестанно, – следовательно, полковые игры производились с большим усердием».

Известен рассказ, по-видимому, тоже из области анекдотов, что царь-отец, заметив склонность трехлетнего царевича к военным забавам, приказал отрядить для него шутейное

⁸ Дьяк – начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств в России до XVIII в.

войско из сыновей дворовых людей и своих приближенных. «Царевичев маленький полк так и прозывался – петровым, и царевич был в нем полковником. Перед отцом-государем этот трехлетний полковник и являл полковые действия, парады и учения... В кремлевском дворце у хором царевича для этого устроена была особая потешная площадка, на которой стояли потешный деревянный шатер и потешная изба, а при них рогатки и пушки, как есть воинский лагерь или стан...»

Трогательное, но почти буквальное повторение повествования о детстве царя Федора. Рассказывали, что ему исполнился всего год, когда дядьки, взяв его из рук мамок, посадили на игрушечного деревянного коня (этот символический конь стоял в покоях царевича до одиннадцатилетнего возраста); с малолетства шахматы, свайки, мячики и другие мирные игрушки откладывались царевичем и товарищами его детских игр ради многочисленного и разнообразного оружия: шпаг и тесаков, пистолетов и ружей, булав, копий, алебард, медных пушечек, знамен и барабанов, литавр и набатов – как в настоящем войске. С раннего детства Федор увлекался стрельбой из лука. Со своими товарищами, приданными ему стольниками, царевич много времени уделял этой забаве и достиг виртуозности.

По-видимому, описание ранних проявлений воинственности становилось обязательным при составлении жизнеописаний русских царей.

А.П. Богданов доказывает, что именно Федор организовал для брата маленькое потешное войско из детей придворных. Эти дети, да еще те сверстники и карлики, которых Наталья Кирилловна приставляла для игр и охраны к сыну, стали основой шутейного войска, появившегося уже позднее, в Преображенском.

Преображенское находилось довольно далеко от Кремля. Охотничий дворец, в котором жила вдовствующая царица с детьми, раскинулся на правом берегу Яузы и занимал около двух с половиной десятин. По обоим берегам реки к нему было приписано еще около двадцати десятин. Царица Наталья прозябала здесь обыкновенной сельской помещицей.

До пяти лет ее сын воспитывался по заведенному исстари обычаю под надзором многочисленных женщин: повивальной бабки, кормилиц, мамок, нянек и прочих прислужниц.

Наталью Кирилловну в бытность ее в девушках традиционно принято считать, как сказали бы теперь, весьма раскованной и продвинутой в культурном отношении. Якобы именно это обратило на нее внимание царя. Но как будто видишь совершенно разных женщин до и после смерти супруга: в изгнании она демонстрировала исключительно патриархальные добродетели и приверженность Домострою. После смерти мужа Наталья не снимала траур. Она сильно похудела, и от прежней красоты остались только глаза.

Должно быть, эта прежде легкомысленная и чувственная женщина понимала, что от ее поведения зависит судьба обожаемых детей. Поэтому никаких новомодных идей по их воспитанию и образованию не допускалось. Благочестие царевичу и царевнам были призваны прививать верховные богомолицы: вдовы, старухи и девицы. Они жили в подклетьях у царицы и, по-видимому, выполняли еще роль сказочниц. Там же ютились всевозможные калики перехожие, святые странники, блаженные, юродивые, помешанные и всякие уроды: немые, слепые, безрукие, безногие. Царица Наталья стремилась как можно дольше удержать царевича в материнском тереме. Для его развлечения заводились шуты и шутихи – обычно карлики и карлицы, – разряженные в платья ярких цветов, в красные и желтые сапоги и ермолки.

Пристрастие к забавным уродцам Петр сохранил на всю жизнь.

Мать не стесняла ребенка в его желаниях, но не заботилась о его развитии. Петр был абсолютно равнодушен к книгам – до определенного времени он даже не знал об их существовании; не интересовался музыкальными инструментами и музыкой – этого тоже не водилось у Нарышкиной; о танцах и речи не заходило. Наталья Кирилловна даже не привила сыну манер, приличествующих дворянину. Царевич не умел себя вести за столом, дичился

незнакомых людей, его не привлекали ни верховая езда, ни охота. Во всем потакая единственному сыну, царица и свое окружение заставляла плясать под его дудку.

Так и видится распущенный избалованный мальчишка, постоянно колотящий в барабан.

Позднее, в 1684 году, по желанию Петра на левом берегу Яузы был заложен потешный городок – регулярная с деревянными частями крепостца – «Пресбург». Годом позже в «Пресбурге» были построены две рубленые избушки с сенями для гарнизона потешных солдат. Здесь впоследствии сосредоточивается руководство новыми воинскими частями, складываются новые учреждения для управления государством. Возникают Преображенский приказ и Тайная канцелярия при нем, ведавшая борьбой с политическими врагами Петра. Беспокойный и мнительный, он с малолетства подозревал всех в скрытом недоброжелательстве. Около «Пресбурга» проводились маневры потешных, и здесь же был спущен на воду найденный в амбарах Измайлова парусный бот – знаменитый «ботик Петра», «дедушка русского флота».

Петр рано перестал ценить жизнь своих подданных: в октябре 1691 года на одной из потех, названной Гордоном воинственным балетом, был убит князь Долгорукий; в результате потешных кожуховских маневров 24 человека погибли и 80 были ранены.

М. Соловьев и другие апологеты Петра объясняли многие неприятные «особенности» своего героя ранним сиротством, лишениями и невзгодами детства. Но ребенок, которому на момент кончины отца было три года девять месяцев, вряд ли успел так сильно привязаться к родителю, которого и видел-то нечасто, чтобы его смерть стала для него страшным потрясением. У него остались любящая мать, многочисленные мамки и няньки, дядья, дедушки и бабушка, другие родственники. Так что безрадостным детством Петра, какими-то особенными тяготами в юные годы нельзя объяснить ту жестокость и порой даже изуверство, которые были присущи ему в дальнейшей жизни.

«Государыня, – говорил царь Федор, – пора учить братца». Но царица не видела проку в учебе: лишь бы кровинушка был здоров да накормлен. В то же время многие историки полагают, что подобную политику она вела не только от простоты и необразованности, и обвиняют Наталью Кирилловну в стремлении приохотить сына к пустым забавам, отвратить от серьезных дел лишь для того, чтобы самой выступить от его имени.

Но с царской волей не поспоришь. В семь лет к Петру приставили дядьку Родиона Матвеевича Стрешнева и с этого же времени начали обучать грамоте. Его учителем стал подьячий Никита Зотов.

П. Крекшин, восхищавшийся Петром, собирал о нем любые сведения. Он рассказывает, как выбирали царевичу учителя.

Царица просила для дитяти наставника «кроткого, смиренного, Святое Писание сведущего». Симеон Полоцкий проэкзаменовал представленного Федором Соковниным Никиту Моисеевича Зотова, уже состоявшего дьяком при Челобитном приказе, и нашел приемлемым его чтение и письмо. Но главное – он был предан Милославским. Любая связь с Нарышкиными отрезала бы дьяку путь к младшему царевичу. Кто знает, может быть, поручалось Зотову «доглядывать» за Натальей Кирилловной, держать открытыми глаза и уши. Царица же в вопросах образования полагалась на авторитеты. Да кто бы позволил ей своевольничать! Так и стал Никита Зотов учителем будущего Преобразователя.

Он не принадлежал к числу эрудированных и образованных людей. Однако, как рассказывает В.О. Ключевский, «все пройденное по древнерусскому педагогическому правилу взято было назубок. Впоследствии Петр свободно держался на клиросе, читал и пел своим негустым баритоном не хуже любого дьячка; говорили даже, что он мог прочесть наизусть Евангелие и Апостол». «Живой и восприимчивый ум Петра мог впитать много разнообразных ученых премудростей, но собственных знаний наставников доставало лишь на то, чтобы

научить его читать и писать, произносить наизусть некоторые тексты богослужбных книг да сообщить отрывочные сведения по истории и географии». «...Образование он получил скромное, если не сказать скудное», – подтверждает один из биографистов Петра советского периода Н. Павленко.

Зотов дополнял скучные занятия «потешными книгами с кунштами» – картинками. Но недостаточно одних картинок, чтобы привлечь к себе симпатии ребенка и разбить лед недоверия его матери. Видимо, Зотов был доброжелательным и приятным человеком и сумел снискать расположение воспитанника и царицы.

Как только к власти пришла Софья, она отправила Зотова к крымскому хану Мурад-Гирею, где тот участвовал в процедуре заключения Бахчисарайского мира. Но достаточно было царевне лишиться власти, и Зотов снова оказался рядом со своим питомцем, теперь уже до конца.

А. Буровский полагает, что приверженный к сивухе Зотов, чтобы умерить непоседливость юного питомца, приучил его к пьянству, тем самым определив его дальнейшие пристрастия и сам характер. В этом предположении нет ничего удивительного. Даже сейчас в некоторых семьях принято беспокойным грудничкам добавлять в прикорм сладкого винца, а в деревнях непоседливым детишкам, чтобы их утихомирить и уложить, давали выпить «причастие» – церковное вино кагор.

Нарышкина же, успокоившись по поводу образования сына, могла с чистой совестью целиком погрузиться в дворцовые интриги.

С беспокойством следила вдовая царица за происходящим в Кремле.

Царь Федор увидел на крестном ходе красивую девушку и был сражен наповал. Постельничий И.М. Языков вызнал, что она зовется Агафья Семеновна Грушевская, живет в доме тетки, жены окольного С.И. Заборовского, и происходит из небогатого дворянского рода с польскими корнями. Сам хорошо владевший польским языком, Федор решил, что она ему подходит. Он повелел Заборовскому никому ее не отдавать. Намерение Федора жениться вопреки вековым правилам повергло Милославских в шок. Иван Михайлович даже брякнул по-русски прямо: «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны!»

Федор поверил, впал в тоску, потерял аппетит.

В Преображенском облегченно вздохнули – царь оставался неженатым и, следовательно, бездетным.

Однако преданные слуги, обеспокоенные состоянием своего господина, уговорили проверить слова дяди. Они поехали к Заборовскому и, ужасно смущаясь, спросили «о состоянии» невесты. Все «установили бороды» и задумались, «как стыд о таком деле девице говорить». Однако Агафья Семеновна сама вышла к гостям и сказала напрямик, «чтоб оне о ее чести никоего сомнения не имели, и она их в том под потеряннем живота своего утверждает!». Царь воспрянул, вновь поверил в счастье и 18 июля 1680 года отпраздновал свадьбу. Молодая царица простила И.М. Милославского, «рассудя слабость человеческую», но Федор, как-то встретив его с подарками для Агафьи, разъярился: «Ты прежде непотребною ее поносил, а нынче хочешь дарами свои плутни закрыть!» – и вытолкнул боярина в шею.

Из этих скудных зарисовок встает привлекательный образ царицы Агафьи (Агаты, как называли ее иностранцы) – женщины решительной, даже смелой, великодушной и чуждой злопамятности, несмотря на молодой возраст обладающей знанием людей. При дворе появилась мода на все польское – обычаи, язык, одежду. Проживи Агафья дольше, может быть, в России произошли бы постепенные и безболезненные подвижки в сторону Европы в части просвещения, знания языков, большей открытости. Но царица умерла 14 июля 1681 года родами; умер и их маленький сын Илья. Федор был безутешен.

Большую душевную поддержку оказывала ему его сестра Софья. Царевна полностью взвалила на себя государственные заботы.

Болезнь царя Федора прогрессировала. Следовало спешить устроить новый брак и получить наследника. Царицей Софья назначила пятнадцатилетнюю Марфу Апраксину, и 15 февраля 1682 года была скромно сыграна свадьба без обычного чина, при запертом Кремле. Софья надеялась, что исключительная красота новой царицы придаст брату новые силы и приведет к появлению потомства. Однако Федор к тому времени настолько ослабел, что уже не мог исполнять супружеский долг. А через несколько месяцев, 27 апреля 1682 года, его не стало. Царь почил после шести лет царствования, так и не оставив наследника.

Здесь снова появляется какая-то тайна, тщательно скрываемая, но от этого еще более интригующая. Имеются глухие упоминания, что царевна Софья обвинила царицу Наталью в отравлении брата. После совершения этого злого дела целью Нарышкиной якобы было отстранение от власти болезненного Ивана и возведение на трон собственного сына. Нарышкины же, напротив, винули Софью, потакавшую чревоугодию царя Федора с целью сжить входящего в возраст царя со свету и править за недужного Ивана.

В обвинениях с обеих сторон фигурировал пирог с туловыми ягодами.

Говорили, что Языков, Лихачевы и Апраксины столкнулись со сторонниками царевича Петра и уговорили угасающего Федора облегчить ссылку Матвеева и Нарышкиных. Утверждали наверняка, что молодая царица Марфа Апраксина слезно умоляла мужа вернуть Матвеева, своего крестного отца.

Вдовая царица Наталья вместе со своей партией деятельно участвовала в розыгрыше власти.

Предвидя кончину государя, многие знатные фамилии и духовенство во главе с патриархом Иоакимом уже готовили переворот для отстранения от законного наследования шестнадцатилетнего царевича Ивана в пользу десятилетнего Петра.

Нырышкины против царевны Софьи

Своей цели Наталья Кирилловна добилась. Боярами, военными чинами, высшими должностными и духовными лицами на царство «сей же час» по смерти Федора Алексеевича единогласно был избран несовершеннолетний Петр. Это был живой рослый мальчик с темными кудрявыми волосами и черными глазами. Секретарь шведского посольства Кемпфер описывал его так: «Лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью» (по-видимому, он сильно краснел). «Своей живостью, быстрой реакцией, любознательностью Петр разительно отличался от вялого и болезненного старшего брата». эта фраза встречается почти во всех источниках. Есть и более панегирические строчки: «Удивительная красота его поражала всех предстоящих, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских».

Наталья Кирилловна получала полномочия регентши. На ее сторону перетекали особо дальновидные царедворцы.

Но не такова была Софья, чтобы уступить власть.

Опору она находила в своих близких. Князь Василий Голицын и Иван Милославский вовсе не хотели отступить в тень худородных Нарышкиных. Сторону царевны держал и ученый монах, просветитель Сильвестр Медведев. Эти люди верили, что Софья способна на великие свершения, и открыто стали на защиту ее интересов.

Но умных и дальновидных соратников не хватало. Высокообразованный, обладающий несомненными дипломатическими способностями, но мягкий и нерешительный Василий Голицын предпочитал всем перипетиям государственного правления спокойную и удобную жизнь в своем фантастическом по богатству московском доме на углу Охотного ряда и Тверской. Недаром польский посланник Невиль писал: «Я был поражен богатством этого дворца и думал, что нахожусь в чертогах какого-нибудь итальянского государя».

Хитромудрые братья Толстые, Иван и Петр, изобретали разнообразные возможности передачи власти царевне.

Петр Андреевич Толстой появился при Софьином дворе стольником в бурные дни 1682 года. Стрелецкий бунт против своих заевшихся полковников он повернул против Нарышкиных, крича на народе, что задушен старший царевич Иван. Именно он помог Софье захватить власть.

Выступление стрельцов в пользу царевны Софьи и Милославских лишило царицу Наталью Кирилловну не только двух братьев – Ивана, ведавшего оружейной палатой, и Афанасия, которых изрубили стрельцы. Ее воспитатель Артамон Матвеев погиб на пиках стрельцов, как и князя Михаил и Юрий Долгорукие, Андрей Ромодановский, Михаил Черкасский, Языковы, Петр и Федор Салтыковы. Отец царицы был насильно пострижен в монахи и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Софья одна в самые бурные дни московского восстания оказалась способной отстаивать власть и порядок в государстве, лично говорила с восставшими, обещала им всевозможные уступки, организовала выплату военным огромных сумм денег, принимала разнообразные меры для приведения гарнизона в повиновение правительству, которое оставалось пока бессильным. И это при том, что девушка даже царского рода издревле считалась «ззорным лицом», исключенным из публичной деятельности; царевна вовсе не смела появляться вне узкого круга домашних.

«Правление Софьи началось со всякою прилежностью и правосудием и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в российском государстве не было; и все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножились коммерция и ремесла, и науки почали быть латинского и греческого

языка... и торжествовала тогда воля народная», – оценивал ее деятельность князь Куракин.

Царевна Софья, победившая сторона, пошла на компромисс с захудалой родней Петра.

Появилось следующее воззвание: «Дело будет полезно государству, яко единокровные братья два царствуют, – в наступление на Российское государство коего-либо неприятеля всюду готовая будет оборона, исправление будет чинное, аще убо един царь против неприятеля изыдет, другой царь в царстве своем имать пребывати».

Правительница воспользовалась своим положением, распределив роли в управлении страной следующим образом: «Когда же будут из иных государств послы, и к тем послам выходить Великому Государю Царю Петру всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержцу, и противу-де неприятелей войной идти можно ему же, Великому Государю».

Царевна Софья не зря имела репутацию умной женщины. Прежде всего она обуздала слишком амбициозных бояр, возомнивших себя истинными правителями России. Самый главный среди них – князь Иван Хованский, назначенный Софьей в свое время главой Стрелецкого приказа, со своим старшим сыном Андреем – главой Судного приказа – повели себя излишне независимо, вплоть до прямой дерзости. Имея на своей стороне стрелецкую силу, Хованский мог стать фактическим правителем государства. К тому же старый князь решил женить старшего сына Андрея на царевне Екатерине, которая питала к молодому Хованскому явную слабость. Породнившись с царским домом и объявив правительницей Екатерину, Хованский имел бы основания претендовать на престол, в то время достаточно шаткий. Старинный знатный род, богатство, авторитет давали Хованским вполне реальные шансы.

Софья действовала решительно. Она повелела арестовать обоих князей. В день ангела царевны на берегу речки Вори, у деревни Голыгино (по Ярославской дороге), произошла казнь отца и сына. Обезглавленные тела бросили в соседнее болото.

Народное поверье утверждает, будто сумрачными ночами, когда над болотами поднимается туман, оба Хованских выходят на дорогу и, держа головы под мышкой, кланяются прохожим с просьбой о справедливости. Народ и в самом деле не сохранил о них недоброй памяти.

Царь Петр в это время безмятежно резвился в подмосковном селе Преображенском, не подозревая, что его старшая сестра только что отвела страшную опасность от будущего молодой династии Романовых.

Изредка Петра приглашали в Кремль. Обычно его присутствие требовалось во время приема иностранных послов. Цари Иван и Петр восседали на специально устроенном двойном троне. Сзади, за занавеской, находилась Софья, которая подсказывала братьям, как следует отвечать иностранцам.

Надежда Софьи – стрельцы – часто колебались в своей преданности царевне. Их требовалось все время улаживать.

Стрелецкое ополчение создал Иван Грозный. В стрельцы брали молодых мужчин определенных кондиций – рослых, сильных, пригожих. Они были ударной силой в военное время, а в мирное исполняли функции полиции и пожарной охраны. Жили они в отдельных слободах, пользовались привилегией беспошлинной торговли, служили за ежегодное жалованье. Служба была пожизненной и наследственной.

Одежда стрельцов говорила об их положении. Они носили длинный кафтан, шапку и сапоги единого цвета для каждого полка. Командный состав имел цветные кожаные перчатки и трости.

В середине XVII века численность стрельцов достигала сорока тысяч человек.

Софья сумела обуздать эту силу, взяла реванш в борьбе за власть и некоторое время могла править самовластно. Действительно самовластно, поскольку деятелей, равных ей по решительности и интеллекту, в ее кругу не было.

Наглый, бесшабашно храбрый и безудержно алчный красавец Федор Леонтьевич Шакловитый, мелкий брянский дворянин, приближенный Софьей и получивший от правительницы пост главы Стрелецкого приказа, был ей слепо предан, но не обладал государственным умом и предусмотрительностью. Весь круг приближенных бояр «оставался в сумнительстве» и склонен был скорее наблюдать, чем действовать. Да и характер Софьи исключал всякую слабость и немощь. Подобно Петру, она не умела ждать, все хотела делать тотчас и сама.

Внешность Софьи известна по картине Репина, которую даже современники художника критиковали как абсолютно не соответствовавшую действительности. Существует также популярное описание польского посланника Ле Невилля, представляющее, скорее, политический памфлет. Послушать его – царевна была настоящим чудовищем. Менее известен прижизненный портрет Софьи – женщины с большими глазами, круглым, несколько простоватым, но в целом миловидным лицом, немного напоминающим лицо Петра.

Европейцы изображали ее в немецком платье, и на этой картине она вовсе не выглядит безобразной.

Софья «играла на театре», то есть не стеснялась открыто являть себя для всеобщего обозрения.

Законы Церкви и Домостроя, исконные обычаи русской старины Софья преступила без колебания, отдав сердце князю Василию Голицыну – женатому, с большой семьей. Ее приводило в отчаяние, что избранник нежно любил свою жену, княгиню Авдотью, и хотя откликнулся на чувство царевны, но завоевывать его приходилось каждый раз заново. Только сила царевниной страсти удерживала мягкого интеллигентного Голицына в орбите этой сильной души.

Борьба с турками и их вассалом крымским ханом являлась условием вечного мира с Польшей, и нарушать его Софья не считала возможным. К тому же еще одна победа укрепляла положение страны и самой царевны, приближая желанный царский венец. Войском, направленным против крымчан, должен был командовать князь Голицын. Иностранцы сообщали своим суверенам о планах Софьи: после победоносной кампании отослать Авдотью Голицыну в монастырь и обвенчаться со «светом Васенькой».

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, света моего, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь! Если бы мне возможно было, я бы единым днем поставила тебя перед собою... Брела я пеша из Воздвиженска. Только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, а от тебя отписки о боях. Я не помню, как взошла: чла, идучи!» – писала любимому царевна.

Планы вершатся исполнителями. Василий Голицын был хорошим дипломатом, но посредственным полководцем. Первый Крымский поход окончился ничем из-за того, что загорелась степь. В поджоге обвинили украинского гетмана Самойловича, перешедшего на сторону турок. На его место был избран Иван Мазепа.

Софья категорически настаивала на повторении кампании. Второй раз Голицын дошел до Перекопа, вступил в переговоры, но затянул их, не рассчитав запасов пресной воды, и уже с полным позором вынужден был вернуться.

В Москве князь убедился, что беда не приходит одна. «В отбытие князя Василия Голицына с полками в Крым, Федор Щегловитый весьма в амуре при царевне профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя и не так явно. И предусматривали все, что, ежели бы правление Софьи продолжилось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение или б содержан был для фигуры за первого правителя. Но в самой силе и делех был бы упомянутый Щегловитый». Как ни любила Софья пожилого аристократичного Голицына, но, видно, утомила царевну квелиая вынуж-

денная любовь князя, а общие заботы и горячая страстность молодого красавца Шаклови- того пробудили в ней ответное чувство.

Но чувства чувствами, а государственные дела – прежде всего.

Софья не только закрыла глаза на провал князя Голицына; она старалась превратить его в глазах народа в победоносного героя, осыпала наградами. Царь Иван всенародно благодарил его за службу, жаловал имениями... Напрасно: скрыть неудачу второго Крымского похода оказалось невозможно.

По мере того как рос и мужал Петр, правительница все более ощущала непрочность своего положения. Угрозой всем ее планам были засевшие в Преображенском Нарышкины со своим царевичем. Она бы не остановилась перед физическим устранением сводного брата, но Василий Голицын благоразумно удерживал ее от преступления. Хорошо осведомленный греческий историк Феодози утверждал, что князь советовал Софье «царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то нетрудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает».

По обычаю священной старины, в царские терема свозили дочерей высшей московской аристократии. Закипели страсти придворных честолюбцев. Был ли заранее предreshен выбор или предоставлялся на усмотрение Ивана, неизвестно. Так или иначе, в жены восемнадцатилетнему царю была избрана двадцатилетняя Прасковья из мощного, разветвленного рода Салтыковых. По-видимому, Софья хотела усилить свои позиции, перетянув на сторону Милославских эту знатную фамилию. «Невеста Ивана была высока, стройна, полна. Длинные волосы густыми косами ниспадали на круглые плечи. Круглый подбородок, ямки на щеках, косички, красиво завитые на невысоком лбу, – все это представляло личность интересную, веселую и очень милостивую», – пишет в своей работе, посвященной царице Прасковье, историк М. Семевский.

Прасковья Салтыкова, вступив в царскую фамилию, сразу подчинилась всем требованиям нового положения; зоркий глаз народа, следивший за каждым шагом царской семьи, не подметил за новой царицей ни малейшего отступления от принятых обычаев, что не раз случалось с Натальей Кирилловной и царевной Софьей. Весьма ловко держала себя Прасковья Федоровна среди дворцовых интриг, разыгравшихся страстей, ничем не раздражала сестер и теток своего супруга, умела неизменно ладить с ними.

А что же представлял собой царь Иван? Про него редко рассказывается без прибавления эпитета «слабоумный». Не проводя аналогии, хочется напомнить, что Гамлет тоже считался сумасшедшим. Ивана принято изображать совершенным идиотом, с полуоткрытым ртом, из которого капала слюна, с подслеповатыми глазами, прочими атрибутами дегенерата и различными живописными подробностями, варьирующимися в зависимости от богатства фантазии рассказчика. Однако на сохранившихся портретах Ивана изображен очень красивый молодой мужчина с бледным лицом аскета и большими глазами. По отзывам иностранцев, царь был высок ростом и худощав; независимо от обстоятельств он предпочитал черную одежду, выгодно подчеркивающую его внешность. Его обычным времяпрепровождением были молитвы в собственной молельной или в храмах, которые он усердно и ежедневно посещал. Царь Иван сильно интересовался книжной премудростью, заложенной еще Симеоном Полоцким. Большую часть времени он предпочитал проводить в подмосковной деревне Измайлово, окруженной почти крепостными стенами, с превосходными садами, прудами, охотой, зверинцем и прочими царскими развлечениями.

Отмечали, что он равнодушен к своей красивой полнотелой жене, более того, старается избегать ее. Софья выражала царице Прасковье свою немилость, поскольку после трех лет супружества та не сумела родить ни одного ребенка. Положение несколько поправилось,

когда управляющим делами царского семейства был назначен молодой справный молодец Василий Юшкин – за пять лет царица родила пять дочерей, правда две царевны умерли во младенчестве. Но Софье нужен был мальчик. Царевич! А он так и не появился. Правительница вовсе охладела к Прасковье.

Семью царя Ивана Алексеевича принято традиционно противопоставлять семье и настроениям самого Петра; родовое гнездо Романовых село Измайлово – рожденному духу реформ соседнему селу Преображенскому. Такая трактовка была удобна историкам всех направлений: одним она позволяла усилить значение Петра, другим подчеркнуть насильственный характер его преобразований.

Женитьба Петра

Тем временем Петр вошел в возраст. Молодого человека не воспитывали в мысли, что ему предстоит править государством. Он вырос с убеждением, что он царь гонимый и что ему не видать власти и даже не жить, пока у власти его сестра и Милославские. Соответственно, наклонности Петра получили крайне одностороннее направление. «Вся политическая мысль его была поглощена борьбой с кланом Милославских; все гражданское настроение его сложилось из ненависти и антипатий к духовенству, боярству, стрельцам, раскольникам», – писал В.О. Ключевский.

Но пока его позиция никак не проявлялась; Петра знали лишь как командира потешных полков. Кроме военных потех, младший царь пристрастился к пьянству и разврату. Надо было спешно поправлять его репутацию. Царица Наталья и ее советники приняли демонстративное решение женить Петра. Понятно, что ревнивой Нарышкиной нелегко дался подобный шаг. Но тут имелось и еще одно, пожалуй, главное обстоятельство: женатый мужчина не будет нуждаться в опеке старшей сестры Софьи.

Царский брак представлял интерес государственный и был делом исключительно сложным. Нельзя сказать, что имелось мало кандидатур в царицы. Например, одно время обсуждалась возможность женить Петра на княжне Трубецкой. Но слишком близкое родство с Голицыными сыграло не в ее пользу. Другие кандидатуры знатных девушек также были отвергнуты Нарышкиными, комплексовавшими из-за своего «худородия». Наталья Кирилловна как огня боялась невестки княжеской крови. Уж та бы не упустила случая попрекнуть свекровь происхождением. Поэтому жену Петру искали в домах не особенно знатных, но и не низких, чтобы не стыдно было.

Внимание царицы и ее партии обратилось на многочисленную фамилию Лопухиных.

В «Российской родословной книге» род Лопухиных признан происходящим от Редегиных, якобы потомков убитого князем Мстиславом Владимировичем в 1022 году касожского князя Редеги. Его будто бы второй сын Роман, окрещенный Мстиславом, получил в жены княжну Мстиславну и стал родоначальником дворянских фамилий Глебовых, Лаптевых и Лопухиных. Но потомство Романа после 1022 года не прослеживается; указывается, и то только предположительно, его праправнук в пятом колене Михаил Юрьевич Сорокоум. Праправнук Сорокоума уже более реален: это Варфоломей Глебов-Лапоть. Его сын Василий, прозванный Лапуха, и стал родоначальником фамилии Лопухиных.

«История родов российского дворянства» отвергает происхождение Лопухиных от легендарного Редеги, но считает фамилию уже существовавшей в XV веке.

Представители этой семьи в первых шести коленах не отличались, правда, особенными заслугами до того счастливого случая, когда царица Наталья Кирилловна за личную к ней приверженность не остановила выбор невесты сыну на дочери мелкопоместного дворянина Иллариона Абрамовича Лопухина. А пять братьев Лопухиных составляли большую спаянную силу, которой так не хватало вдовствующей царице. Ведь в ее партию входили в основном родственники Нарышкины, не считавшиеся «дельными» людьми, Апраксины, возвысившиеся через царицу Марфу, и умный, достаточно образованный, говоривший по-латыни, но вечно пьяный князь Борис Голицын, ловко ведущий кампанию против царевны Софьи. О двух других временщиках: брате царицы Льве Кирилловиче и свойственнике обоих царей по бабушке Тихоне Стрешневе – князь Куракин говорил, что первый был человек очень недалекий и пьяный, взбалмошный, но не злой, а второй неглупый, но лукавый и недобрый, «интригант дворовый».

Отец царской невесты был переименован из Иллариона в Федора по имени святыни Романовых, Федоровской иконы, и получил боярство вместе с четырьмя своими родными братьями.

Невеста родилась 30 июня 1670 года в селе Серебрено Мещовского уезда в родовой вотчине бояр Лопухиных. Ее матерью была Устинья Богдановна Ртищева, которая останется с дочерью до самой своей смерти.

Ртищевы не относились к знатным фамилиям и вели свой род от Ослана-Челеби-Мурзы, выехавшего в 1389 году из Орды на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Сын Ослана, Лев Прокопьевич по прозвищу Большой Рот – «Ртище», – и стал главой семьи. Один из выдающихся представителей фамилии, Федор Михайлович Ртищев-старший, сторонился двора, все свое время посвящая наукам и Церкви. Один из первых русских благотворителей, он привечал сирых и убогих, раздавал богатую милостыню. Царь Алексей Михайлович заметил его, приблизил, сделал постельничим. Но юноша не стремился делать карьеру. Он был привержен науке, церковной святости. Из своего скита он создал Спасо-Преображенский монастырь, в котором основал так называемую «Ртищевскую школу». Ее ученики переводили с греческого на славянский язык Библию, Моисеево Пятикнижие и другие богословские труды. Целью Федора Ртищева было «научение словено-российского народа детей греческой, латинской и славянской грамматике, философии и риторике – науке о том, как говорить хорошо, правильно и красиво».

Но насколько забота о собственных интересах и расчетливость отца Федора, Михаила Ртищева, спокойно воспринимались придворным окружением, настолько бескорыстие и безразличие к чинам его сына вызывали бурю негодования при дворе. Его обвиняли в «нарушении православной веры», и неизвестно, как повернулось бы дело, если бы Б.И. Морозов не отвел от Ртищева эти обвинения и оправдал перед царем. Однако против Ртищева выступил Никон, возмущенный его советом не вмешиваться в светские дела. Вопрос вставал даже о физическом уничтожении Ртищева. Но пронесло и на этот раз. Пал Никон, а Ртищев добился перевода своей школы в Москву, в Заиконоспасский монастырь – впоследствии, в 1685 году, она станет ядром Славяно-Греко-Латинской академии. Сам Федор Михайлович до этого не дожил: он умер в 1673 году, сорока восьми лет от роду.

Конечно, тот факт, что родственником Евдокии был выдающийся человек, не доказывает, что и она была женщиной незаурядной. Но то, что эти сведения замалчиваются, наводит на определенные размышления.

Тем более что не принято говорить и о том, что внучатым племянником Евдокии, внуком ее брата Абрама, был модный в свое время поэт Авраам Лопухин, которого ценил и приглашал к сотрудничеству Карамзин.

О детстве, юности и воспитании девушки никаких документальных упоминаний не осталось. Известно, что ее крестили Прасковьей и она была старшей из четырех сестер. При избрании Лопухиной царской невестой она получила новое имя – Евдокия – либо в силу его большей «царственности», либо во избежание путаницы с царицей Прасковьей Салтыковой, женой царя Ивана. Может быть также, что царица Наталья настояла на этом имени в честь своей единственной сестры, которая звалась Евдокией.

Большинство сведений о жизни Нарышкиной и Лопухиной почерпнуты из мемуаров князя Бориса Куракина. Этот представитель одного из самых знатных родов России, блестящий дипломат-полиглот, оставил весьма интересные и эмоциональные воспоминания о выдающихся деятелях своего времени. В 1692 году он женился на сестре Евдокии Ксении. Ксения была на восемь лет младше Евдокии, и в тринадцать лет уже жила с Куракиным «как жена с мужем», поскольку брак князя еще не был решен его бабкой. Но через год четырнадцатилетняя невеста и семнадцатилетний жених обвенчались. Ксения умерла в возрасте двадцати одного года, родив сына Михаила.

Таким образом, Куракин становился свояком Петра, а его сын являлся двоюродным братом царевича Алексея, что в будущем сильно компрометировало бессменного «посла державы Российской».

Но особенно любила Евдокия единственного⁹ брата Абрама, который всегда держал сторону сестры и был поддержкой в ее несчастливой судьбе.

С легкой руки А. Толстого Евдокию принято считать невежественной, косной, чуть ли не убогой. Даже о ее выдающейся красоте говорить как-то забывали. Между тем именно красота девушки обратила на себя внимание царицы Натальи Кирилловны, рассчитывающей через более взрослую, чем сын, толковую и во всем покорную себе невестку еще более упрочить влияние на мужавшего царя. В переписке иностранных послов содержатся похвалы внешности Евдокии, хотя нельзя сказать, что она постоянно «была на публике». Но вот в Кремле устраивается огнестрельный праздник с грандиозным ночным фейерверком, и на нем, по воспоминаниям Патрика Гордона, присутствуют «вдовствующая царица Наталья Кирилловна, молодая царица и царевны, сестры Петра и Ивана Алексеевичей».

Сохранившееся изображение Евдокии представляет лицо вовсе не заурядное, отмеченное чувством собственного достоинства. На большинстве портретов она изображена в иноческом платье; по-видимому, они относятся к тому времени, когда власть и корону получил ее родной внук. Но Евдокия в молодости напоминает портрет М.И. Лопухиной, урожденной Толстой, кисти В. Боровиковского.

Она давно прошла – и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье – тень любви, и мысли – тень печали...
Но красоту ее Боровиковский спас.

стихи неизвестного современника относятся к изображению Марии Лопухиной, как и стихи Якова Полонского; но кажется, что писано это о Евдокии:

Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд, и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча любить – страдать, прощать – молчать.

(Я. Полонский)

В отличие от Петра, впервые увидевшего невесту в день свадьбы, Наталья Кирилловна имела возможность досконально рассмотреть девушку, не раз приглашая ее с собой в «мыльню». И если пристрастная царица осталась довольна статями будущей невестки, та действительно была хороша.

Евдокия по тогдашним меркам была образованна – умела читать и писать. В ее письмах позднего периода обнаруживаются твердость, образность мышления, способность четко выражать свои убеждения.

Традиционный смотр царских невест не был устроен. То ли вторая семья покойного царя не располагала нужными средствами, то ли царица Наталья стремилась женить сына не мешкая.

27 января 1689 года была скромно сыграна царская свадьба. На невесте была легкая сорочка и чулки, красного шелка длинная рубаха с жемчужными запястьями, китайского шелка летник с просторными, до полу, рукавами. На шее – убранный алмазами, бобровый,

⁹ Возможно, был и брат Василий, но сведений о нем не имеется.

во все плечи, ожерелье (воротник). Поверх летника суконный опашень со ста двадцатью финифтяными пуговицами, еще поверх – подволока сребротканая, на легком меху, затем мантия, тяжело шитая жемчугом. Пальцы были унизаны перстнями драгоценными, уши оттянуты звенящими серьгами. Коса переплетена множеством лент, на голове высокий, в виде города, венец.

Петр тоже ради подобного случая облачился в традиционную царскую одежду: «платье белое, кафтан верхний камчатой китайской, испод соболий, исподний кафтан камчатой же китайской; ожерелье соболье с запонками яхонтовыми и шитьем золотым, с конторгой (застежкой) рубиновой; на спине и груди – подоплеки узорчатые, шитые шелком и золотом; пояс золотой, осыпанный камнями, на поясе конторги и калита (кошелек)». Наверное, смуглый черноглазый юноша был очень хорош в богатом белом праздничном платье.

Софья своим присутствием свадьбу не почтила – щедро отсыпала в подарок новобрачному кучу золотых червонцев и отъехала на богомолье.

После венчания и свадебного стола именитые гости проводили молодых в сенник – пристройку без земляного наката на потолке, – чтобы молодые легли спать не под землей, как в могиле. В трех стенах сенника были высоко прорублены цветные окошки. В простенках – тегеранские ковры, пол застелен ковром с птицами и единорогами. В углах воткнуто четыре стрелы, на каждой подвешено по сорок соболей и на острие – калач. На двух сдвинутых лавках, на двадцати семи ржаных снопах, на семи перинах постлана шелковая постель со множеством подушек в жемчужных наволоках, сверху на них лежала меховая шапка. В ногах – куньи одеяла. У постели стояли липовые бочки с пшеницей, рожью, овсом и ячменем.

Родные и гости уселись за стол, выжидая час боевой, когда дружка принесет весть, что у царя доброе свершилось.

«А на утро следующего дня, как это велось обыкновенно, царю и царице готовили мыльни разные, и ходил царь в мыльню, и по выходе из нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велено было сохранять постельничьему. А как царица пошла в мыльню и с ней ближние жоны, и осматривали ее сорочку, а осмотра сорочку, показали сродственным жонам немногим для того, что ея девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместе, сохраняли в тайное место». Уж за соблюдением этой церемонии, детально описанной В. Котошихиным, царица Наталья проследила в точности.

Петр, и в десять лет выглядевший на все шестнадцать, рано познал физиологию любви, получив необходимые навыки на заднем дворе материнской усадьбы. «Задний двор был истинный содом в древнем быту дворян наших. Здесь развращалось молодое дворянство с издетства, без особого усилия, неприметно исподволь. Развратная от совместного сожительства дворовая челядь наперебой старалась угождать всем наклонностям своих молодых господ, будущих властителей, творила в них новые и грязные вожделения, зарождала суеверия и холопские предрассудки, воспитывала, пестовала порок по глупому невежеству, не из расчета».

К услугам Петра были многочисленные дворовые девушки, прачки, скотницы и другие прислужницы. Они не требовали предварительных ухаживаний и приятного обхождения, да царь и не был к этому склонен. Он привык безотлагательно, нахраписто и грубо удовлетворять плотские потребности, сразу же забывая о своей мимолетной подруге. К тому времени он стал завсегдатаем кабаков и других злочных мест, посещая их «для питья и блудства». По-видимому, именно в юности у него сложился идеальный образ женщины: простой, крепкой, необидчивой, не лезущей за словом (часто матерным) в карман, любящей выпить, темпераментной и щедрой на ласку.

Дурные привычки юности сформировали его отношение к женщинам на всю жизнь и, может быть, определили ее неустроенность и последующие разочарования.

Жениться он не хотел, понимая, что брак может стать ограничением его свободы. Однако мать сумела убедить Петра в необходимости создания домашнего очага для продолжения рода и оберега от страшной опасности в лице правительницы Софьи.

Первый месяц брачной жизни был действительно медовым. Современники отмечали, что любовь между супругами была «зело изрядная». Молодая царица, видимо, сумела угодить супругу. Но был ли приятен ей он – нервный, дерганый, громоздкий, ничуть не ласковый, требующий от жены того же, чего хотел и от подневольных женщин, обязанных ему покоряться беспрекословно, – вопрос. Конечно, Евдокия и в мыслях не смела осуждать или оценивать мужа, но разве вольна она была в своих сокровенных чувствах...

В допетровской России «секса не было». С одной стороны, имелась необходимость продолжить род, чтобы было кому передать нажитое; с другой стороны, общение полов почиталось грехом, за который приходилось каяться. Женщина, считавшаяся порядочной, должна была скрывать свои порывы, отбивать перед иконами многочисленные поклоны и как бы противиться греху, но на самом деле угождать воле господина, постоянно поминая при этом Господа.

Воспитанная в патриархальной семье, Евдокия, наверное, слишком часто упоминала о грехе и Господе и не была так раскована, как хотелось Петру. На третий месяц супружества он уже рвался к своим потешным войскам и привычным воинским забавам. Может быть, слегка обиженная, но порядком измученная двухмесячным «медовым месяцем», Евдокия с некоторым облегчением восприняла мужнин отъезд и свободу собственного тела. Молодая женщина чувствовала свою силу и знала, что Петр вернется. Она же готова была любить своего нескладного и безалаберного молодого мужа несколько снисходительно, но верно и преданно.

Не так отнеслась к случившемуся Наталья Кирилловна. Ей показалось, что Евдокия, уверенная в своей притягательности для супруга, смотрела теперь на нее свысока, и царица-мать была оскорблена. Кроме того, неблагодарная «ночная кукушка» не проводила политику свекрови – а ведь для этого ее и взяли в царский терем! – и Наталья Кирилловна обвинила невестку в неумении удержать мужа. К тому же она не оправдала ожидания вдовой царицы и в другом – не забеременела. Вслед за Евдокией при дворе появилось около тридцати Лопухиных обоего пола, не знавших «обращения дворового». Это вызывало раздражение чувствительной к таким вещам Нарышкиной. Наталья Кирилловна «невестку возненавидела и желала больше видеть с мужем в несогласии, нежели в любви», – вспоминал Куракин.

Ненавидеть она умела. Не зря ее называли Медведихой.

Но пока в молодой царской семье ничто не предвещало страшного будущего. Царь и царица вели себя как любые другие молодые супруги. Царская чета любила приезжать в подаренное отцу Евдокии московское село Ясенево, где молодежь развлекалась и веселилась, как это всегда принято у молодежи.

Петр заводит новых друзей

Круг общения Петра не был ограничен только его родными и близкими. Он сам расширил свои горизонты, познакомившись с человеком, которому было суждено сыграть огромную роль в его жизни.

Двадцатилетний Франц Лефорт появился в Москве в 1675 году, послужив перед этим, по его словам, в голландской и французской армиях. Его принято называть женевцем, но это только одна из версий его происхождения. В чине капитана он участвовал в обоих Крымских походах Василия Голицына, но повышения не получил. Судьба свела тридцатипятилетнего Лефорта с Петром, которому было около семнадцати лет. Роста Лефорт и царь были почти одинакового, одинаково любили всяческие удовольствия. «Лефорт понимал его желания, стерег от опасностей, учил видеть выгоды и невыгоды и, казалось, сам горячо его полюбил, постоянно был подле царя не затем, чтобы просить, как все русские, – уныло стучая челом в ноги, – деревенек и людишек, а для общего им обоим дела и общих потех». Существует мнение, что именно женевец приобщил Петра к мужской любви: «был он как лист хмеля в темном пиве Петровых страстей», – только и рискнул написать А.Толстой.

Бойко, хотя и не в совершенстве владеющий шестью языками, обаятельный и остроумный, всегда богато и изысканно одетый, с прекрасными манерами, Лефорт все более завоевывал расположение Петра. Он стал его учителем «красивой жизни» – в их общем понимании. Он обладал способностью «денно и ночью» пребывать в забавах, общаться с дамами и непрерывно пить. Лефорт мог перепить даже Петра и оставаться вполне вменяемым и даже презентабельным. «Он обладал обширным и образованным умом, проницательностью и присутствием духа, невероятной ловкостью в выборе лиц, ему нужных, и необыкновенным знанием могущества и слабости главнейших частей российского государства. В основе его характера лежали твердость, непоколебимое мужество и честность». Главными жизненными интересами Лефорта являлись война и женщины; любовные победы он заносил в особый список. Свою жену он отправил из Москвы в Киев, где та жила сама себе хозяйкой. Из его одиннадцати законных детей выжил только один сын – Андреас. Но Лефорт признавал двадцать пять своих внебрачных потомков и не отказывал им в помощи. Женевец был исключительно открытым и доброжелательным человеком. Его добрый нрав уравнивал и часто успокаивал приступы злости и раздражительности царя. Впоследствии именно Лефорт удержал Петра от казни царевны Софьи. Князь Куракин в своих воспоминаниях называл Лефорта «человеком забавным, роскошным, дебошаном французским».

Сильное впечатление производило и жилище Лефорта: большое каменное здание в итальянском вкусе, с превосходно обставленными комнатами и фантастическим количеством серебра. Здесь были по тому времени великолепные комнаты и большая зала с богатыми обоями. «Там стояли два громадные леопарда, на шейной цепи, с распростертыми лапами, опиравшимися на щиты с гербом, и все это было сделано из литого серебра. Потом большой серебряный глобус, лежащий на плечах Атласа, из того же металла, и, сверх того, множество больших кружек и другой серебряной посуды». В дом входили по лестнице с правой и левой сторон. Как часто взбегал по этим лестницам Петр! Дом Лефорта служил ему парадным филиалом его собственного. Там он любил принимать иностранных послов, устраивать дружеские попойки. Бывало, Петр и Лефорт не просыхали неделями.

Князь Яков Долгорукий привез Петру из Европы астролябию. Царь долго мечтал о ней, но, получив, не знал, что с ней делать, как применять. Наверное, он долго кричал и буйствовал, пока приближенные Натальи Кирилловны не нашли молодого голландца Тиммермана, который вроде бы мог обращаться с этим прибором. У Тиммермана Петр почерпнул множество разрозненных и неглубоких фактов, касающихся артиллерийской науки и стро-

ительства укреплений. Но эти обрывочные сведения разбудили любознательность царя. Он хотел знать все на свете, все охватить, все попробовать и «гораздо с охотой начал учиться арифметике».

Сохранившиеся тетради Петра показывают, насколько плохо он был обучен: с трудом выводил буквы, не знал правил тогдашнего правописания, писал «по выговору», между двумя согласными постоянно подозревал «ъ», перевирал иностранные слова и термины. Таким и останется его письмо до конца жизни.

Гораздо больше, чем классные упражнения в письме и счете, юного царя привлекали практические занятия.

Вместе с Тиммерманом Петр отыскал в сарае английский полусгнивший ботик, принадлежавший еще дяде царя Михаила, Никите Романову. Петр решил восстановить его.

Заботы о флоте, как известно, очень занимали правительство царя Алексея Михайловича. Одно время он загорелся мыслью построить на Каспийском море свой флот – это открыло бы русским купцам дорогу в Персию, предоставило бы возможность торговать с Индией. Первая эскадра Каспийского флота, состоявшая из корабля «Орел», яхты, двух шлюпок и одного челнока, была построена в селе Дединове на оке, недалеко от Коломны. Царский «флот» был доставлен на астраханский рейд, но был захвачен и сожжен Степаном Разиным. Мысль о постройке кораблей была наследственным преданием Петра и прочно утвердилась в кругу, где он воспитывался. находка ботика имела далекоидущие последствия.

Другим иностранцем, оказавшим большое влияние на формирование личности Петра, был Яков Вилимович Брюс. Он был дальним потомком знаменитого Роберта Брюса, героя Шотландии. Роберт Брюс отстаивал независимость страны от Англии, и его род царствовал в этой гордой стране до тех пор, пока не пресеклась главная мужская линия дома и престол не перешел к Роберту Стюарту, мужу Марджори, старшей дочери одного из Брюсов.

Яков Брюс, в котором, по его выражению, «текла кровь королей», был блестяще образован, хотя свои знания приобрел самостоятельно. Щеголь, любящий и умеющий носить дорогую «эксклюзивную» одежду, знающий толк в хороших вещах, Яков Брюс не отказывал себе во вкусной пище и добром вине. Однако он избегал шумных застолий высшего офицерства, был умерен в еде и питье, не интересовался женщинами сомнительного поведения. Он даже в походах не прерывал своих научных занятий астрономией, переводами, расчетами наиболее рационального веса порохового заряда и в целом был самым просвещенным соратником Петра. Преданный сподвижник царя, шотландец лютеранин в то же время сохранял дистанцию между собой и окружением суверена.

Брюс женился на благородной девушке из немецкой слободы Маргарите фон Мантейфель, называемой в Москве Марфой Андреевной. Супруги проявляли друг о друге трогательную заботу, вместе занимались воспитанием двух своих дочерей.

В отличие от других приближенных царя, Брюс предпочитал Петербургу Москву, где в стенах Сухаревой башни составлял эликсиры живой и мертвой воды и говорил со звездами. Эти непонятные другим занятия создали Брюсу репутацию колдуна и чернокнижника.

Впоследствии Брюс был замечен в хищениях казенных денег, но Петр простил этого неординарного человека, привлекавшего его своей одаренностью и необычностью.

17 сентября 1688 года царь впервые посетил дом «служилого иноземца» Патрика Гордона (в России его называли Петром Ивановичем) и с тех пор стал его частым гостем. Положительный и немного педантичный, постоянно бодрый духом, шотландец принадлежал к младшей линии одного из могущественнейших кланов Шотландии, убежденных католиков. Гордоны сражались против Оливера Кромвеля за короля Карла. В своей мужской половине клан Гордонов заметно поредел. Впоследствии его представители за особую верность династии Стюартов удостоились герцогского титула. Не все Гордоны стали герцогами, но все

последовательно и твердо придерживались католической веры. Ревностный сторонник Стюартов, верный слуга Римской церкви, Патрик Гордон после казни короля Карла I оказался не у дел. Младший сын небогатой старинной фамилии, он должен был зарабатывать пропитание своей шпагой. Судьба немало поносила его по свету: Англия, Швеция, Польша, наконец, Россия. Он служил Алексею Михайловичу, затем его детям – царям Федору и Ивану, царевне Софье. Почувяв, откуда ветер дует, шотландец перешел от правительницы к ее юному брату. Этот переход решил участь царевны. Именно Гордон стал первым и главным военным советником Петра. Но и в чужой поначалу стране он был верен своим убеждениям. Первый в России католический собор был основан и сооружен в 1694 году благодаря хлопотам Патрика Гордона. Он находился в районе современного Старокирочного переулка и до наших дней не сохранился.

«Благоразумие, зрелая рассудительность во всем, заботливость украшали Гордона. Не гордясь своей известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон сумел привлечь на свою сторону москвитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам и враждебно относящихся к их славе», – писал секретарь австрийского посольства И.Г. Корб.

Общение с Гордоном, утверждают некоторые историки, заменяло Петру чтение книг, поскольку шотландец-то читал много, получая газеты и книги из Западной Европы. Впрочем, называется даже одна (!) книга, которую царь совершенно точно прочитал: «Фейерверочное искусство». Упоминаются еще две книги известного своей ученостью немецкого полковника-ландскнехта Вертмюллера, которые Гордон подарил царю: это «Зерцало коменданта» и «Пробный камень инженера». Но читал ли их царственный приятель Гордона, неизвестно.

Да и некогда ему было читать!

Переворот Медведихи

В начале августа 1689 года в Кремле были найдены подметные письма и схвачены «гулящие» люди, якобы злоумышлявшие на правительницу Софью. Царевна подозревала в злом умысле Нарышкиных. Даже из уст опытного дипломата Голицына временами вырывалось сожаление, что «медведиху» Наталью Кирилловну не убили с ее родичами в 1682 году: «Если бы в то время уходили, ничего б не было».

Был арестован стольник Петра Плещеев и двое «потешных», но никаких доказательств их причастности к заговору найти не удалось. Через несколько дней, в ночь с 7 на 8 августа, некий человек¹⁰, прибежавший в Преображенское, сообщил о вооруженных людях, засевших в кустах с намерением убить Петра – конечно, с повеления царевны Софьи. Неясно, как «некий человек» прозрел намерение вооруженных людей – вряд ли они оповещали всю округу о своих планах. Но царь ужасно испугался. В одной рубахе, без штанов, босой, он спрятался в роще неподалеку от дворца. Верный Меншиков принес ему одежду и привел коня. Вместе они помчались в сильно укрепленный монастырский комплекс – Троице-Сергиевскую лавру. Петр так боялся за свою жизнь, что не успел подумать о любимой матери, сестре и молодой жене. Обе царицы и царевна без помех отправились к нему в Троицу на следующий день.

Некоторые авторы, желая нагнать драматизма, пишут, что у Евдокии от волнения случился выкидыш и царская чета потеряла первенца. Но серьезные исследователи не упоминают о таком происшествии, поскольку сроки рождения царевича опровергают подобные спекуляции.

Итак, Софья осталась в Кремле, Петр засел в Троице.

Царь Иван, как мог, поддерживал сестру: из собственных рук угощал вином и водкой сторонников Софьи, служилых иноземцев и царедворцев. Когда Петр потребовал выдачи главы Стрелецкого приказа Шакловитого, Иван отказал посланному братом полковнику.

Но все было напрасно.

Очень скоро началось перемещение знати на север. Приближенные покидали правительницу. Даже патриарх Иоакимф, посланный царевной для мирных переговоров, остался в лавре. По мнению А. Буровского, причины ясны. «Софья и Голицын – это реформы, это движение. А Петр – это стоящая за ним Медведиха с ее кланом людей не идейных, умственно не крупных, совсем не рвущихся что-то делать. В самом Петре ничего абсолютно не позволяло разглядеть будущего преобразователя». С таким выводом трудно согласиться. Не стоит все высшие классы россиян тем самым косвенно обвинять в тяготении к косности и застою. Скорее всего, попросту сыграла роль приверженность традициям: есть девка-царевна, почему-то присвоившая себе привилегии правительницы, и есть молодой, крепкий женатый батюшка-царь – его и следует держаться.

Скоро Троицко-Сергиевский монастырь со всеми посадами и окрестностями стал более походить на шумную и многолюдную столицу, нежели на тихую обитель иноков. Сюда царь повелел приехать своей тетке Татьяне Михайловне с двумя сводными сестрами Петра, наиболее к нему лояльными. Съезжались духовенство и некоторые сановники. Архимандрит Сильвестр с братией переселился в служебные избы, очистив гостям своим кельи.

Иван хотел мира, умолял патриарха о милосердной помощи, просил сестру и брата, чтобы помирились, боялся большой крови.

Оставаясь за крепкими стенами Троицы, Петр отправил брату Ивану письмо с решением устранить Софью от власти. «Государь братец, настает время нашим обоим особам

¹⁰ Странники Петра утверждали, что о заговоре донесли стрельцы Феоктистов и Мельнов.

богом врученное нам царство править самим, понеже есьми пришли в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титле и расправе дел быть не изволяем».

По общему мнению, Петр к этому посланию руку не приложил: текст письма был составлен сторонниками вдовствующей царицы по ее приказанию.

Софья терпела крах по всем направлениям. Был схвачен, подвергнут пытке и казнен ее последний «галант» Федор Шакловитый.

Поскольку пытка и кнут представляли собой неотъемлемые и любимые инструменты управления Петра Великого, следует описать их подробно.

Пытка в российском государстве конца XVII века внешне уступала чудовищным изобретениям церковных и светских властей западной Европы. Отечественный застеночный аппарат был лишен большей части технических приспособлений, удовлетворявших садистским наклонностям инквизиторов и их протестантских коллег. В хорошо звукоизолированном каменном помещении-подклете к потолку был подвешен блок с веревками, которыми обвязывали закрученные назад руки пытаемого. За кисти рук несчастного поднимали к потолку – вешали на дыбу. Между связанных ног ему продевали бревно, на которое палач прыгал, чтобы руки пытаемого вышли из плечевых суставов и он был растянут между полом и потолком. Затем по указанию ведущего допрос заплечных дел мастер брал в руки кнут, плетенный из полос жесткой кожи, иногда для большей эффективности усаженный металлическими остриями. Удар наносился так, чтобы кнут-длинник обвился вокруг тела и содрал широкую полосу кожи с мясом практически до костей. Кроме того, пытаемого можно было жечь огнем или прикладывать к его телу кусок раскаленного на углях металла, но эти дополнительные средства обычно оказывались излишними. Подозреваемые часто «признавались» уже при виде кнута и дыбы – это называлось «расспросом у пытки». Мало кто из сильных и привычных к опасностям людей продолжал отрицать возводимые на них обвинения после пяти или десяти ударов длинником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.